

ЛЕГЕНДЫ

ВИКИНГОВ

РОД

СНОРРИ КРИСТЬЯНСОН

Легенды викингов

Снорри Кристьянссон

Род

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Кристьянссон С.

Род / С. Кристьянссон — «Издательство АСТ», 2018 — (Легенды викингов)

ISBN 978-5-17-108382-3

Лето 970 года. Семья Уннтора Регинссона собирается в доме умирающего патриарха. Все знают, что из военных походов он вернулся богатым, и ходят слухи, что он привез с собой целый сундук с золотом, который становится причиной раздора среди его наследников. Теперь сыновья Уннтора вернулись к отцу, но никто из них не хочет почтить память родителя, и вскоре в доме, где прежде царил мир, прольется кровь и брат пойдет против брата. Только никто еще не знает, что это убийство будет далеко не первым, и у кого-то из собравшихся в родовом гнезде Уннтора в сердце поселилась тьма, которая не остановится ни перед чем. В атмосфере всеобщего недоверия и подозрительности семье надо найти убийцу, пока не стало слишком поздно.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-108382-3

© Кристьянссон С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Снорри Кристьянссон

Род

Snorri Kristjansson
KIN

First published in the English language by Quercus Editions Limited.

© 2018 Snorri Kristjansson
© Роман Демидов, перевод, 2019
© Анастасия Родина, фотография, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Мораг, научившей меня ценить детективные романы

Глава 1

Карл

Она окунула руку в бочку ледяной воды и держала ее там, наблюдая, как встают дыбом волоски на предплечье. Кончики пальцев покалывало, потом ощущение прошло, и ладонь стала казаться куском мяса, трясущимся от безжалостного, обволакивающего холода, – но она все равно не доставала ее, принуждая себя складывать руку горстью так медленно, как только могла. Она глубоко вдохнула и взглянула на свое изломанное отражение. На нее смотрела юная девушка, чьи решительно прищуренные глаза, высокие скулы и стиснутые зубы делали ее похожей на хищную птицу.

– Хельга!

Она выдохнула и плеснула холодной водой себе на лицо.

– Иду!

Она свернула за угол овчарни, и перед ней распахнулась земля. Сквозь верхушки деревьев можно было увидеть длинный дом у самой реки. Старый коровник едва проглядывал, а остальные постройки были скрыты стволами. Ниже по течению реки ее взгляду открылась долина Рен, где темная кора и сочная зелень лесов сменялась лоскутами кропотливо расчищенной земли. Как-то поздним вечером, когда в нем заговорил эль, ее отец заявил, что правит всем, что может видеть. Кто-то, может, и возразил бы, что никакого права на долину у него не было, но она еще не встречала человека, который, увидев Уннтора Регинссона сидящим в своем высоком кресле с топором и луком под рукой, захотел бы с ним спорить.

– Ты закончила? – послышался голос Эйнара. Она представила, как он стоит у подножья холма, рядом с боковыми воротами. Двадцать пять зим от роду, а лицо все равно мальчишеское. Хельга понимала, что он должен был измениться за одиннадцать зим, прошедших с того дня, как она поселилась на хуторе вместе с Уннтором и Хильдигуннюр, но казалось, что это не так. Она помнила, как он проносился мимо нее, гоняясь за Уннторовой дочкой, чтобы обрызгать ее водой. И пусть Эйнар не гонялся за девочками с тех пор, как Йорунн уехала выходить замуж, для Хельги он всегда будет тем же мальчишкой. Она улыбнулась своим мыслям.

– Да! – крикнула она в ответ. Сено сложено, тропа для овец расчищена. В овчарню их погонят где-то через месяц, но чем дольше откладываешь дела, тем больше ковыряться потом. *Решай проблемы споро и исправно.* Так ее учила мать.

Она сбегала вниз по тропинке от новой овчарни, глотая воздух, в котором еще чувствовалась прохлада ночи. Над ней возвышались мощные стволы. Зимой они защищали ее от ветров, приходивших в долину с юго-востока, сейчас – прятали от утреннего солнца в приятном теньке. Когда склон перешел в ровную землю, Хельга увидела внизу своего названного брата, шедшего к воротам.

– Не смей проверять мою работу, Эйнар Якасон, – пробормотала она себе под нос, и он, видимо, услышал, потому что остановился и смотрел на нее, терпеливо дожидаясь. Похоже, придумывал, что бы такого ехидного сказать. Хельга улыбнулась. Он постоянно пытался выйти победителем из их словесных схваток, но пока что ему не удавалось. Пусть она и не была родной дочерью Хильдигуннюр, но зато быстро училась, а от острого языка приемной матери ей доставалось частенько.

Когда она показалась из-за деревьев, Эйнар все так же ждал, с плеча его свисал моток веревки.

– Ты чего так долго? Решила сеном перекусить?

– Девушки сена не едят, Эйнар, – парировала Хельга. – А у тебя, видать, нынче кобыла в невестах ходит.

Как только она подошла поближе, он шлепнул ее веревкой.

– Ты ведьма, – сказал он.

– Вот уж нет, – ответила она. – Была б я ведьмой, превратила бы тебя в кого покрасивше.

– *Пфф*, – сказал Эйнар и ухмыльнулся.

Его отец, Яки, широкоплечий и седовласый, вышел из дома и крикнул:

– Поторапливайтесь, вы двое, – они все сегодня приедут!

Эйнар закатил глаза.

– Хорошо, папа, – прокричал он в ответ и повернулся к Хельге. – Пойдем, надо в старом коровнике прибраться.

– Зачем? – спросила Хельга, не двигаясь с места.

– Вроде бы Бьёрн со своими там будет жить.

– Это чтобы братьев вместе не селить?

– Ага, – сказал Эйнар. – Почему, думаешь, здоровяк отправился на восток, а Карл на юг?

Они, видать, дрались каждый день – Карл снова и снова колошматил братьев, пока Бьёрн не окреп и не остановил его. Хильдигуннюр в тот год изрядно наловчилась раны залечивать.

– Веселое времечко нас ждет, да? – она вздохнула.

Эйнар пожал плечами и оттолкнулся от забора.

– Все будет хорошо, – сказал он, удаляясь. – Уверен, старики удержат их в узде.

Старый коровник едва уловимо пах животными и сеном. Солнечные лучи просачивались в щели между покоробившимися стенными досками, но большую часть хлева окутывал бледный свет на грани заката и сумерек, и только яркий конус, бивший сквозь распахнутую дверь, освещал скелет когда-то полезной постройки, захлавленной всяческими хозяйственными орудиями, деревяшками и хламом. В одном углу, рядом со сломанными удочками и невыделанными кожами на старых покореженных растяжках, была навалена груда досок высотой в человеческий рост. В другом углу стоял покрытый рунами каменный столб, почти полностью скрытый в тени.

– Такой маленький, – сказала Хельга.

– У них тогда всего четыре коровы было... Хильдигуннюр уж сколько лет твердит Уннтору что-нибудь с ним сделать, но всегда находятся дела поважнее, – сказал Эйнар. – Они не могут решить, снести его или переделать во что-то другое.

– Не помню, была ли я здесь когда-нибудь, – проговорила Хельга, с любопытством оглядываясь вокруг. – Кузня – логово твоего отца, а это место всегда казалось принадлежащим Уннтору. – Она пнула кусок дерева, отскочивший в угол. – Так что нам нужно сделать?

– Ну, для начала вынести все это наружу – нужно расчистить пол, чтобы соорудить кровати для Бьёрна с семьей...

– *Что?* Зачем?.. – Хельга выглядела крайне недовольной.

– Так легенды не сильно врут, знаешь ли. Он к двенадцатой зиме в обычные постели не влезал. А юный Вёлунд весь в отца, – Эйнар на мгновение задумался. – Ах да, ты же с ними не встречалась, да?

– Нет, – сказала Хельга. – Ни с Бьёрном, ни с Карлом. Они вроде бы должны были приехать пять лет назад...

– ...но Карла не было дома, а у Бьёрна семья заболела. Помню. Аслака ты, конечно, знаешь.

– Как его забудешь? Прибыл в гости с двумя детишками и женой-драконицей. Она тоже приедет?

– Боюсь, что да, – сказал Эйнар.

Хельга содрогнулась:

– Я лучше с бешеным медведем повстречаюсь.

– Понимаю тебя, – сказал Эйнар.

– А еще есть Йорунн и Сигмар. Ее я, кажется, помню, а вот его не видела.

– Нет, – сказал Эйнар, занявшись треснувшей балкой и внезапно утратив интерес к разговору.

Хельга схватила лопату со сломанным черенком:

– Я такую даже не помню.

– Старье, – сказал Эйнар, убирая с дороги плуг с одной рукояткой. – Уннтор давненько собирает все это починить, но знаешь, что я думаю?

– Ты *думаешь*? – спросила Хельга с притворным изумлением.

– Язык придержи, – сказал Эйнар, выволакивая старый плуг за дверь. Когда он вернулся назад, его лицо светилось озорством. – Я думаю, старик просто счастлив, оттого что с хутором все хорошо, и *позволяет* себе владеть сломанными вещами – так что он бросает их там, где они сломались, а отец сваливает их сюда, – он обвел барахло взглядом. – Вот она, сокровищница отважного воина.

– Ха, – сказала Хельга. – В *это* мне трудно поверить. – Она подумала об Уннторе, своем приемном отце, о том, как, понукаемый женой, он принял ее в семью одиннадцать зим назад, когда почти все их дети покинули хутор. Представить, как он разбазаривает с трудом заработанные богатства, было почти невозможно. В свое время ходили слухи, что он вернулся после набегов на запад с добычей всем на зависть, но старый медведь всегда это отрицал. Верный Яки помогал ему отгонять большинство пришедших пожить. Остальных хоронили сразу за западной оградой. В конце концов об этом узнали, и местные, видя, как тяжело работает Уннтор на своей земле, решили, что слухи были всего лишь слухами, сказочками у костра, так что те, кто искал быстрого и легкого богатства, вскоре разбрелись по другим местам.

– В это мне трудно поверить, – повторила Хельга и с усмешкой добавила: – Хильдигуннюр ему так этого не оставит!

– Может быть, – сказал Эйнар, – но она так долго жила со старым медведем... Сдается мне, она знает, когда надо драться, а когда посмотреть в другую сторону. В упрямстве эти двое друг друга стоят.

– Наверное, поэтому они до сих пор женаты, – сказала Хельга, сдвигая с места пару сломанных кузнечных молотов. – Со временем про мою мать сложат «Сказание об укрощении Уннтора».

– И хорошая ведь будет история. Как и Уннторово «Соблазнение Хильдигуннюр». Мне до сих пор нравится, хоть я и слышал его не меньше раз, чем прожил лет.

– То есть сколько, раз двенадцать?

Эйнар скорчил ей рожу и нагнулся, чтобы ухватиться за большой треснувший жернов:

– Уннтор Регинссон отправился искать себе жену. Он возжелал Хильдигуннюр, но отец ее, старый Хейдрек, был наполовину троллем...

Хельга с трудом отодвинула с дороги кучу досок.

– Всего наполовину? Старики, наверное, только начали пить, когда в последний раз это тебе рассказывали. Я-то думала, он был...

– Девять футов высотой, провалиться мне на этом месте. И зубы себе затачивал, поганец, – раздался у входа хриплый голос: Уннтор с Речного хутора, вождь долины Рен и владыка всего, что видел, загородил собой почти весь свет. Плечи его едва не касались обеих сторон дверного проема, седых волос еще хватало, чтобы заплетать косу, а аккуратно подстриженная борода была густой. В шестьдесят два года он все еще производил внушительное впечатление. – И медведей убивал для потехи.

– А ты подошел к нему, – сказала Хельга.

– И врезал ему по голове бедренной костью быка, – продолжил Эйнар.

– Не совсем так, – сказал старик. – Я открыл было рот, чтобы поговорить, а *он* врезал *мне* – отбросил на четыре шага и хорошенько так вывернул челюсть. Вот *тогда* я огрел его костью, и он свалился. А когда опомнился, я спросил, позволит ли он мне жениться на его дочери, – и он тоже принялся перетаскивать хлам к двери.

Эйнар улыбнулся:

– А он сказал...

– А мерзкий старый тролль расхохотался и сказал: «Да пожалуйста. Она бьет больше, чем я». И он не соврал, – закончил Уннтор. – Нет, вот это не трогай.

Эйнар остановился, так и не коснувшись каменного столба.

– Почему?

– Сдвинешь – беда будет. Он тут стоит с того дня, как мы здесь поселились. Боги прогневаются, – добавил он. – Оставь на месте.

Эйнар пожал плечами и пошел к грудке досок.

– Беритесь-ка вы за кровати для Бьёрна и Тири... да, и для малыша Вёлунда тоже, – сказал Уннтор. – Доски сложите там, – добавил он и показал на угол коровника, который был дальше всего от двери.

– Малышу Вёлунду уже двенадцать зим, – сказала Хельга, – и он давно уже не малыш, как мама говорит.

Уннтор фыркнул и отмахнулся от нее:

– Если я сказал, что он малыш, значит, он малыш, – заявил он. – Эйнар, принеси батины снасти. Кровати сколотим там, где ты стоишь.

Эйнар кивнул, бросил доски на землю и вышел. Все прочие обломки сельской жизни, хранившиеся в старом коровнике, теперь были аккуратно сложены у забора, и в опустевшей постройке воцарилась тишина.

– Моя плоть и кровь едет за мной, Хельга, – тихо сказал Уннтор.

– Папа, ты о чем?

Старик повернулся и взглянул на нее. В полумраке он казался очень усталым.

– Моя плоть и кровь, – повторил он, – с тьмой в сердце. Я видел во сне.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но звяканье металла о металл возвестило о приближении Эйнара. Уннтор тоже его услышал, и в мгновение ока утомленный старик исчез, а вместо него появился грозный вождь.

Хотя стояла жара, волоски на руках у Хельги поднялись дыбом.

* * *

В полдень по округе прокатился крик Яки:

– Всадники!

Хельга разволновалась. Странное поведение Уннтора в коровнике тревожило ее, но она старалась не обращать на это внимания. «Что-то случится». И пусть уют повседневности успокаивал, но эта мысль не отпускала: на нее надвигался внешний мир. Она подбежала к главным воротам, откуда ничто не закрывало вид на долину. Яки и Эйнар были уже там.

– Лошадей они не берегут, – заметил Яки.

– Когда это Карл хоть что-то берег? – сказал Эйнар.

Коренастый мужчина резко схватил сына за руку.

– За языком следи, – прорычал он. – Понял меня?

– Да, папа, – ответил Эйнар, стараясь не морщиться от грубой хватки.

Яки отпустил его.

– Просто... если можешь, ничего не говори. – Он взглянул на Хельгу и добавил: – И ты, девочка, тоже.

Хельга кивнула:

– Конечно. – Она посмотрела на всадников. Силуэты были едва различимы. – Их трое?

– Они далеко, мне не видно, – пробормотал старик.

– Возможно, – Эйнар выглядел озадаченным. – Но кого тогда они оставили дома?

Со двора послышался голос Хильдигуннюр:

– Хельга? Подсоби-ка мне...

Еще раз взглянув на приближающихся всадников, Хельга развернулась и побежала к длинному дому, внушительному строению со стенами почти в два человеческих роста. Женщина в боковых дверях по сравнению с ним смотрелась что веточка, но Хельга давно поняла, что о ней нельзя судить по внешности. Хильдигуннюр, женщина, ставшая ей матерью, была выносливей многих мужчин. Пусть она не была ни высокой, ни крепко сбитой, зато двигалась с легкостью, скрывавшей пятьдесят пять прожитых лет, и до сих пор могла бежать полдня без остановки. Каким бы невероятным это ни казалось, она во всем была ровней Уннтору. Последние тридцать лет они были сердцем и своей долины, и соседней, и той, что за ней. Женщины проводили в пути несколько дней, чтобы спросить у Хильдигуннюр совета; большинство считало ее строгой, но справедливой, а у тех, кто так не думал, хватало мозгов, чтобы помалкивать и поминать ведьмовство лишь там, где *точно* не было лишних ушей. Но и те и другие соглашались в том, что мудрость ее была глубока.

– Быстрее, девочка! – крикнула Хильдигуннюр. – Тут бородой обрастешь, пока тебя дождешься.

– На тебе, мама, и борода хорошо смотреться будет.

– Лесть тебя до добра не доведет, – улынулась Хильдигуннюр. – Котелки ждут. Путникам нужна еда. Вы кровати-то сделали?

– Давно уже, – ответила Хельга. – Эйнар быстро справился.

– Он молодец, – сказала Хильдигуннюр. В ее взгляде блеснула искорка. – И смотреть на него приятно.

– Мама! – сказала Хельга. – *Фу!* Серьезно?

– Ты, может, и считаешь его братом, – сказала Хильдигуннюр, пропуская ее в дом, – а люди на это смотрят по-другому.

Прежде чем закрыть дверь, она оглянулась через плечо. Уннтор присоединился к Яки и Эйнару у ворот.

Когда всадники приблизились и трое мужчин смогли хорошенько разглядеть лошадей, между ними воцарилось молчание.

Наконец Яки заговорил:

– Я смотрю, у Карла дела неплохи, – сказал он.

В ответ Уннтор фыркнул.

Лошади неслись во всю прыть, их мышцы бугрились, шеи вытягивались вперед в наслаждении скоростью. Наездники, склонившись вперед, ободряюще кричали и подгоняли скакунов еще больше. Один из всадников обогнал двух других и опережал их все сильнее.

Мужчины у ворот наконец смогли разглядеть фигуры. Наравне с троицей скакунов неся мастиф, его язык болтался в воздухе.

– В этот раз Карлу все-таки не выиграть, – с удовлетворением заметил Уннтор.

Всадник на вырвавшейся вперед лошади поднялся в седле и ударил кулаком по воздуху, затем дернул на себя поводья, замедляя животное, пока остальные двое не сделали так же. Капюшон свалился с его головы, открыв длинные светлые волосы и розовые щечки, алеющие от возбуждения.

– Дедушка! – закричала девушка, и бегущий рядом пес глубоко, гортанно рывкнул в ответ.

– Гита! – завопил Уннтор, пока лошади сокращали расстояние между ними. – Ездишь точно как я тебя учил!

– Даже лучше, мне кажется, – прорычал тот из отставших, что был помассивнее. Карл Уннторссон был крепкого сложения: широкая грудь, туловище как древесный ствол. Клочкова́тая черная борода топорщилась на его нижней челюсти, как щетина на дурно сделанной щетке, а левая щека щеголяла боевыми шрамами. Густые брови делали его лицо вечно хмурым. На шее он носил кожаный ремешок, серебряное навершие молота Тора покоилось на его ключице. – Она себя не сдерживает.

Он ловко соскочил с лошади, и подошедший пес ткнулся мордой ему в ладонь.

– Карл, – сказал Уннтор. – Добро пожаловать домой.

– А меня ты, значит, не замечаешь? – третья всадница стремительно спрыгнула на землю. Высокая худощавая женщина порывистым движением руки откинула капюшон с головы. На ее правом плече лежала светлая коса, в которую было вплетено множество серебряных нитей. Мать и дочь были очень похожи.

– Приветствую, Агла, – сказал Уннтор. – Ты всегда желанная гостья в моем доме.

– Врешь как танцуешь, старый медведь, – ответила женщина, – неуклюже. Но я рада тебя видеть.

Яки распахнул ворота, и троица наездников провела в них своих скакунов.

– Потрясающие животные, – сказал Уннтор.

– Да, хороши, – согласился Карл. – Но мне нужна лошадь посильнее. Они все от одного жеребца и вес выносят одинаковый. Гита победила, потому что она легче.

– И вовсе нет, – парировала девушка. – Я просто лучше тебя.

– Азарт юности, – сказал Карл. – Ничего, скоро я тебя проучу.

– Сначала догони, – Гита, пританцовывая, вывернулась из-под руки отца.

– Тогда не останавливайся, а то я твою милую шейку сверну, когда поймаю, – сказал Карл.

– А потом я зарежу тебя во сне, – сообщила Агла.

Карл резко и коротко рассмеялся.

– Эйнар, уведи лошадей, – сказал Уннтор. – А я пойду накормлю наших странников.

Карл огляделся вокруг.

– А ее тут не было, – сказал он, кивая на конюшню.

– Шесть лет назад построили... Шесть? – Уннтор посмотрел на Яки.

– Семь, – поправил тот.

– Давно я тут не был, – сказал Карл.

– Оставь лошадей. Мама еду приготовила, – Уннтор подтолкнул пререкающееся семейство к дому.

Когда они отошли достаточно далеко, Яки бросил взгляд на Эйнара. Стоявшая рядом лошадь Карла фыркнула и ударила в землю копытом.

– Говорил же, – сказал старик, – хочешь, чтобы тебе ничего не оторвали, – молчи.

Хельга увидела, как на лице ее матери всплывает улыбка. Потом услышала приближающиеся голоса, и спустя мгновение дверь открылась. Седовласая женщина бросила взгляд на котелок, и Хельга поняла намек. Она сосредоточилась на деревянной ложке, помешивая тушеное мясо круговыми движениями.

– Жена, – провозгласил Уннтор, – боги одарили нас гостями!

– Агла! Гита! – Хильдигуннюр стремительно прошла по дому и обняла обеих. – Добро пожаловать, родные мои.

– Спасибо, бабушка, – сказала Гита, пока ее мать выворачивалась из объятий Хильдигуннюр. – Ты все такая же молодая.

– Ой, пф, – ответила Хильдигуннюр. – Я стара и слаба, и кости мои такие же.

– Да не похоже, – сказала Агла, потирая плечо. – Если ты и мужа вот так обнимаешь, неудивительно, что он славится скверным норовом.

– Зато Карл прямо робкий ягненок, – сказала Хильдигуннюр, сверкнув глазами.

Гита рассмеялась:

– Ха! А старая сука еще может кусаться!

– ГИТА! – голос Карла вспорол воздух подобно хлысту. – Подойди сюда *сейчас же*.

Девушка поджала губы и проглотила слова, которые, казалось, рвались наружу.

– Хорошо, папа, – наконец смогла выдать Гита. Она подошла к Карлу, который стоял рядом с Уннтором.

Черноволоный мужчина был мрачен, сплошь острые углы и ярость:

– Не смей позорить мое имя, когда гостишь в чужом доме.

– Но...

– *Никаких «но»*, – рявкнул Карл.

– Да смешно же было, – сказала Хильдигуннюр.

– Мама, – процедил Карл сквозь стиснутые зубы, – не лезь.

Он повернулся к Гите.

– Иди проверь лошадей, – он остановил ее гневным взглядом, – и веди себя *достойно*.

На другом конце дома Хельга старалась не привлекать к себе ничьего внимания. Спустя пару мгновений за Гитой с грохотом захлопнулась дверь.

Какое-то время все молчали.

– Ну что, – сказала Хильдигуннюр, нарушив тишину, – зато мы точно знаем, что она не подмениш.

Гримаса Карла переплавилась в подобие улыбки.

– Это у нее от матери.

– Ну нет! Она упряма, точно камень, а я не такая. Я очень смиренная, – сказала Агла.

Хельга заметила, как Уннтор подавился смешком за спиной Карла.

– Ты – нет, – сказал Карл. – Ты споришь по любому поводу.

– А вот и нет!

– А вот и да.

– Заткнись, старик, – я *очень* смиренная!

– Карл, перестань ее дразнить, – сказала Хильдигуннюр. Сердце Хельги ушло в пятки, когда к ней повернулась сначала мать, а потом на нее обратили взгляды Карл и Агла. Ощущение было не из приятных.

– А теперь познакомьтесь с нашей Хельгой – она у нас поселилась года через два после того, как ты уехал, и могла бы быть тебе сестрой, если б не была умнее и красивее. Мы не отпустим ее, пока сможем.

Карл приветственно кивнул.

Агла оглядела ее, словно она была лошадью, и, кажется, ничего интересного не нашла.

И вот Хельга снова стала невидимкой.

– Ну что, дать вам чего-нибудь поесть, или вы вместо этого еще поругаетесь?

Несмотря на шуточный тон Хильдигуннюр, Агла уставилась на своего супруга, и Хельга, попытавшись разглядеть в ее лице шальную искорку, улыбку или хоть какой-то знак любви, не увидела ничего.

– Да, спасибо, – сказала Агла, и Хильдигуннюр одарила Хельгу взглядом, вполне заменявшим команду. Двигаясь механически, она вытащила из-под боковых лавок деревянные миски и наполнила их тушеным мясом. Пар плясал возле ее рук, обдавая кожу жаром. Она ухватилась поудобнее и заторопилась к столу, где Агла уселась рядом с Уннтором. Хильдигуннюр уже исчезла, но Хельге не нужно было видеть свою мать, чтобы знать, что та будет работать там, где точно пройдет Гита. Она остановит ее на пару слов, потом наклонит голову,

поднимет бровь, заговорщически оглянется, чтобы убедиться, что шутка слышна только им, – и Гита тут же проглотит смешок, и в глазах ее сверкнет бабушкин задор. Хельге почудился за плечом мудрый, наставляющий голос матери. *Вовремя сказанное слово спасает от множества бед.*

Она обнаружила, что, не сознавая этого, подошла к тихо сидевшему за столом Карлу.

– Вот, пожалуйста, – сказала она заплетающимся языком.

Он уставился прямо на нее, его карие глаза сверкали, улыбающееся лицо пошло морщинами. Он пытается не облизнуть губы, подумалось ей. Как волк.

– Спасибо. Спасибо тебе огромное, – сказал он, улыбаясь.

– Благодарю маму, – ответила Хельга резче, чем намеревалась. – Это она готовила.

Вместо того чтобы исчезнуть, улыбка черноволосого мужчины расплзлась еще шире.

– Выглядит... съедобно.

Она чувствовала на себе его взгляд еще долго после того, как вернулась на свое место в тени.

Эйнар провел лошадей в дальний конец конюшни. Сначала он хотел поставить животных в стойла рядом с кобылами Уннтора и Хильдигуннюр, но их прижатые к головам уши и фыркание сразу же убедили его, что это плохая идея, и место им в дальнем конце. Он начал с лошади Карла, проводя щеткой по ее бокам плавными, ровными движениями. Очень быстро стало ясно, что у кобылы дурной норой и ему придется быть начеку, чтобы его не укусили.

– *Тише*, девочка, – пробормотал он, – тебе станет лучше, когда я закончу.

Лошадь сердито дернула головой и фыркнула, но кусать Эйнара больше не пыталась.

– Вот так, – прошептал он, – еще немножко, и ты от меня избавишься.

– А с чего ты взял, что она хочет от тебя избавиться? – спросила Гита, стоя в дверях, и Эйнар подпрыгнул ровно за мгновение до того, как желтые зубы сомкнулись на его руке. Он отошел подальше от бьющей копытами лошади и повернулся к девушке. Он посмотрел на нее, но ничего не сказал.

– С ней просто, – сказала Гита, и как только она подошла ближе, кобыла среагировала на знакомого человека, запрокинув голову и фыркнув. – Вот так. Дай сюда, – и Гита протянула руку за щеткой.

Эйнар отдал ее, не говоря ни слова.

Гита начала чистить лошадь, придерживаясь размеренного ритма.

– Ты хорошо справляешься, – заметила она.

– Почему ты так думаешь? – спросил Эйнар.

– Потому что у тебя все пальцы на месте, – Гита улыбнулась ему. – Значит, ты ей нравишься.

Эйнар не ответил, и она нахмурилась.

– Хочешь, поухаживаю за лошадьми? – спросила она.

– Я... Ну... Если хочешь, – промямлил Эйнар.

Гита бросила на него короткий взгляд.

– Почему ты со мной не разговариваешь? – спросила она.

– Если что, я буду снаружи, – сказал Эйнар, выскользнул из стойла и вышел за дверь, закрыв ее за собой.

Лошадь фыркнула на Гиту.

– Не начинай, – сказала девушка. – Сама бы не лучше справилась.

Она с силой провела щеткой по спине животного.

– Но он вроде бы интересный, а у меня будет три дня.

Гита нежно погладила кобылу по голове и прошептала ей в ухо:

– Посмотрим, кто сдастся первым.

Глава 2

Бьёрн

Уннтор сидел на речном берегу, уперев локти в колени. Его тихая неподвижность гармонировала с тихим журчанием реки и пением птиц в кустах на другом берегу. Поверхность неспешной реки сверкала на солнце у его ног, будто золотой водопад. Старик смотрел на шедшего со стороны дома человека, который двигался размеренно и целеустремленно.

– Вот и началось, – пробормотал Уннтор.

Подойдя поближе, Карл махнул рукой:

– Мама сказала, что ты будешь здесь.

– В прошлом году что-то сместилось выше по течению. Теперь тут хорошее местечко, – сказал Уннтор. Он взялся за удочку и стал вытягивать леску, пока крючок не показался из воды. – Я решил попробовать поймать что-нибудь еще к ужину.

– Скоро начнет клевать, – сказал Карл.

– Обычно так и бывает, – ответил Уннтор.

– У тебя все хорошо.

– Держись потихоньку.

– Как дела в Гломме?

Уннтор повернулся и посмотрел на запад, в сторону гор, отделявших их от долины Гломмы.

– Как всегда, – сказал он. – Соседи порой ругаются между собой. До сих пор ходят ко мне, чтобы я разрешил их споры, или когда думают, будто хотят узнать, что боги думают о том, сем и этом. Я им никогда не говорю, что я думаю.

– А что ты думаешь?

– Что у богов есть дела поважнее, чем разбираться, кто на чью дочку залез.

Карл усмехнулся.

– Пару лет назад у нас похититель скота завелся.

– Правда?

– Путешественник с юга. Думал, найдет каких-нибудь деревенских простаков, легко обчистит пару хуторов, – Уннтор улыбнулся. – Он был не слишком мудрым человеком.

Тень такой же улыбки возникла на лице Карла, и на мгновение двое мужчин стали невероятно похожими.

– А ты как? До меня доходят всякие истории с юга, но я не знаю, какой и верить.

– Мы хорошо устроились, – сказал Карл. – Я ходил на корабле с ватагой крепких ублюдков, капитаном у нас был Сигурд Эгиссон.

Уннтор присвистнул:

– Даже мы здесь о нем слышали, – сказал он. – Из старой команды Скаргрима? Несгибаемый, как скала.

Карл улыбнулся:

– Несгибаемый, насколько нужно. Мы награбили, сколько смогли в саксонских землях, а смогли мы очень много – мне хватило, чтобы купить большой хутор на юге.

– Я что-то про это слышал, но...

– Двадцать четыре коровы, – оборвал Карл.

Уннтор затих.

– Двадцать четыре, – сказал он. – Это... это внушительно.

– И сорок овец. Четыре работника, двое с женами.

– Значит, ты справился лучше, чем я, – сказал Уннтор.

– Потому что я не закапывал свою добычу, – ответил Карл.

– Я думаю, что мужчина должен сам заработать то, чем владеет, – резко сказал Уннтор. –

И не говори мне, что до сих пор веришь в эти бабкины сказки.

Он посмотрел на сына и медленно проговорил:

– Нет никакого клада.

Карл посмотрел на него, но ничего не сказал. В следующий момент он глянул вниз по течению реки.

– Я так и думал, – пробормотал он. – Всего лишь байка.

– Так оно и есть, – сказал Уннтор. Леска у его ног двигалась вместе с течением, провисшая и безжизненная.

Нож сильно и точно входил в мясо; Хильдигуннюр вонзала лезвие в ягненка медленно, уверенно и умело, разрезая жилы, скреплявшие кости и мясо. Хельга чистила репу на расстоянии вытянутой руки от нее и старалась быть незаметной.

Агла вздохнула у них за спинами и продолжила жаловаться:

– Уж и не знаю, что с ней делать. Ведет себя...

– Точно как ты, когда была моложе? – по-доброму сказала Хильдигуннюр.

– Да, – ответила светловолосая женщина, опускаясь на грудь мехов. – И я боюсь, что она наделает тех же ошибок.

– Ошибки – это не так уж плохо, – сказала Хильдигуннюр, выкручивая ногу ягненка из сустава. – На них учишься быть мудрее. – Она развернулась и подмигнула Агле. – Как мы.

Агла вздохнула:

– Да. Наверное. Я просто хочу, чтобы она... не знаю.

– Была покорнее? Мягче. Добрее.

– Да.

«И у кого ей этому учиться?» – подумала Хельга.

– С молоденькими девушками такое бывает, – сказала Хильдигуннюр. – Они ужасные, ошибающиеся, пожирающие мужчин чудовища. Как Хельга, – добавила она.

– Что? Я не такая! – вскинулась Хельга.

– Готова поспорить, что такая, – рассмеялась светловолосая. – Готова поспорить, они в очередь за тобой выстраиваются, с мечами в руках.

– Сражаются за нее, – сказала Хильдигуннюр, – целыми толпами.

Она качнула бедрами, показывая, как именно воображаемые женихи Хельги дерутся за нее. Агла восторженно хохотнула.

– Очень смешно, – сказала Хельга, – и очень точно. По опыту говоришь, да, мам?

– Ого! – провозгласила Агла. – Да у тебя девица тоже хороша.

– Знаю, – ответила старшая из женщин, улыбнувшись Хельге. – Действительно, хороша.

Мне уж и озадачить ее нечем, и о богах я не могу ей больше рассказывать, потому что она уже все знает. И на целебные травы у нее нюх хороший. Но хватит нам болтать об отважных юношах, а то она перевозбудится и не уснет сегодня, думая о мечях – всяческих размеров и форм. Расскажи нам, что творится в мире, Агла: какие новости с юга?

Пока жена Карла рассказывала новости о политике и войнах, Хельга тайком бросила взгляд на мать и вспомнила, как Эйнар укрощал особо строптивых кобылиц. На лице матери было такое же выражение удовлетворенности своим достижением.

– Работай, работай, – еле слышно сказала Хильдигуннюр, пока Агла заливалась позади них. – Еда сама себя не приготовит.

Нож пожилой женщины вошел в шею ягненка.

Яки заметил его первым.

– А это точно Бьёрн.

– Где? – спросил Эйнар. Он на мгновение прислонился к воротам, утирая пот со лба.

– Вон там – у излучины, – показал Яки, и действительно, примерно в миле от них двое людей вели лошадей под уздцы, а третий, державшийся позади них, горбился в седле.

– Как думаешь, он на лошадь вообще залезал? – спросил Эйнар.

– Надеюсь, что нет, очень уж животное жалко.

Человек слева, среднего роста и сложения, двигался спокойно и размеренно. Человек справа был на полторы головы выше, шире и больше во всех смыслах слова, и лошадь, шедшая рядом с ним, смотрелась будто пони. Сбоку от него шла собака.

– Он не торопится, – сказал Эйнар.

Яки вздохнул:

– Наш Бьёрн вообще редко торопится.

– Скучал по ним? – спросил Эйнар спустя какое-то время.

Яки немного подумал, прежде чем ответить:

– Без их воплей тут куда тише, знаешь ли.

– Но Бьёрн с Карлом же...

– А, – сказал Яки, отмахиваясь от Эйнара, – они были не самыми хорошими друзьями, но они были братьями. Мелкие раздоры лечатся возрастом и разлукой. Но все четверо по-своему опасны, и у меня в последнее время холодок в костях поселился.

– Ты это о чем?

– Быть беде, – пробормотал Яки.

– Да перестань, козел ты старый! Что ж это, выходит, мой отец с возрастом превратился в суеверную бабу? А дальше что – вещи сны?

Яки повернулся и посмотрел на Эйнара. Он ничего не сказал, но лицо его сделалось каменным.

Через мгновение парень отвернулся и заметил приближавшуюся Хельгу.

– Чего это вы, двое лентяев, у ворот торчите? – крикнула она.

– Бьёрн едет, – ответил Эйнар, кивнув на дорогу.

– В первый раз вернулся, – сказала Хельга. Стоявший рядом Яки поднял бровь. – Он только-только уехал, когда меня сюда взяли.

– Гм, – сказал Яки, – похоже на правду. Значит, прошло...

– Одиннадцать зим, – закончила Хельга. – Кажется.

Вид у старика был ошарашенный.

– Что? *Одиннадцать*? Куда только время уходит?

– Приветствую! – прогремел трубный голос; путники подошли так близко, что можно было разглядеть лица. Здоровяк помахал рукой и крикнул:

– Яки, это ты?

– А кто еще? – прокричал улыбающийся Яки.

Хельга почувствовала, как сзади к ним подошла Хильдигуннюр.

– Здравствуй, сын! – крикнула Хильдигуннюр. – Мясо в котелке!

Следом за ней из дома вышли Агла и Гита и встали позади пожилой женщины. «Уже знают свое место», – подумала Хельга.

– Это добрая весть для усталых странников, – сказал Бьёрн.

Хельга не могла отвести взгляд от приближавшегося мужчины. Бьёрн Уннторссон был огромен во всем: лицо его было грубо слеplено, руки были точно две лопаты. Светлые волосы и борода делали его похожим на какого-то горного великана; даже шедший рядом волкодав, сам по себе немаленький пес, по сравнению с ним выглядел щенком. «Девять футов ростом и зубы затачивал», – подумала Хельга. Если лучшие черты Карла были похожи на худшие черты Уннтора, то Бьёрн свою внешность, похоже, унаследовал по линии матери. Жена Бьёрна, Тири,

почти потерялась в тени этого гиганта, когда они подошли к воротам. Среднего роста женщину в неброской одежде словно несло попутной струей, поднимаемой мужем. Отправляясь в дорогу, она забрала светло-каштановые волосы в пучок и стянула кожаным ремешком. Хельга взглянула на стоявшую рядом альвopodobную Аглу. «Такие разные», – подумала она, и тут ее внимание привлек неуклюже слезавший с коня мальчик. Хоть ростом он был почти с мужчину, и довольно высокого, у него было мягкое лицо младенца и грация новорожденного олененка. Пока Бьёрн и Тири обменивались приветствиями с другими женщинами, Хельга поймала себя на том, что не сводит с мальчика глаз. Никто не обращал на него внимания, и он просто стоял, явно не зная, что делать или куда идти. Он напоминал ее же, еще маленькую, потерянную и брошенную, и ее ноги пришли в движение прежде, чем мозг это осознал.

Хельга протиснулась между лошадьми.

– Ты голодный? – тихо спросила она. Мальчик взглянул на нее водянисто-голубыми глазами. Он разжал губы, но остановился, так ничего и не сказав. Вместо этого, чуть погодя, словно переварив ее слова, он кивнул. Хельга улыбнулась.

– Пойдем со мной, – сказала она, заговорщически подмигнув. Чуть поколебавшись, он повел за ней своего коня.

– Вёлунд! – рявкнул Бьёрн, и Хельга почувствовала, как напрягся мальчик.

– Не беспокойся, – сказала Хильдигуннюр, – Хельга за ним приглядит.

– Мальчишка – недоумок. По уху ему надо дать, а не приглядывать, – проворчал Бьёрн.

Хельга оглянулась на новопривывших. Бьёрн занимал собой столько места, что Тири попросту не было видно.

– Заведи коня сюда, – она показала Вёлунду на конюшню. – Эйнар о нем позаботится. Вы долго ехали?

Мальчик кивнул и опустил голову, потом поднял на нее глаза, не отрывая подбородка от груди. Хельга улыбнулась.

– Любишь тушеного ягненка?

Мальчик снова кивнул, уже более воодушевленно, и Хельга улыбнулась шире.

– Тогда пойдем пошурим в котелках!

Она зашагала вперед, ощутив незнакомое чувство удовлетворения, когда услышала, что мальчик следует за ней. Он чуть волочил ноги, но не отставал. Дом одарил их густым ароматом готовящегося мяса. Хельга подошла к большому котлу, взяла черпак и наполнила миску до краев, а мальчик немедленно уселся за стол, сторбился над едой и начал запихивать ее в рот.

– Ты бы... ну... поосторожнее... – начала Хельга, но было поздно: Вёлунд уже выплюнул мясо обратно в миску.

Измученный мальчишка посмотрел на нее как на предательницу:

– *Горячо!*

Хельга не смогла сдержать улыбку.

– Да, горячо. Подуй на него, вот так.

Она взяла его миску и легонько подула внутрь. Вёлунд посмотрел на нее взглядом, полным недоверия, но все-таки принял миску и поддел ложкой небольшой кусочек, аккуратно положив его в рот. В следующее мгновение его лицо озарилось сияющей улыбкой. Он насыпился, словно пытался что-то вспомнить, погрузил ложку в миску, зачерпнул и подул на мясо со всем тщанием умелого ремесленника.

– Правильно, – сказала Хельга. – Вот так.

Вёлунд улыбнулся и продолжил есть; в это время в дом вошли его родители, болтавшие с Аглой и Хильдигуннюр.

– ...зима выдалась доброй, – говорила Агла, выгибая шею, чтобы смотреть Бьёрну в лицо. – У нас на юге дела идут хорошо. А в вашей стороне как?

За их спинами закрылась дверь.

– О, в долинах работать тяжело, не сомневайся, – пророкотал Бьёрн, – но swei держатся своих земель, а мы своих, – здоровяк опустил на зловеще хрустнувшую скамейку. – Иногда мы с ними торгуем. Как-то раз я заполучил три телеги...

– БЬЁРН! – крик Эйнара едва не утонул в адском рычании и лае. Поначалу никто в доме не мог понять, что происходит, а потом великан поднялся и, несмотря на свои размеры, поразительно быстро направился к двери. Хельга, смутно сознавая, что Вёлунд все еще сидит над своей миской позади нее, обнаружила, что идет следом за остальными членами семьи.

Когда она вышла через боковую дверь дома, Бьёрн миновал уже половину двора. Здоровенный серый волкодав, оскалившись, стоял над мастифом Карла. Кровь струилась из раны на квадратной морде белого пса. Он прижимал голову к земле, но искал мощными лапами опору, чтобы прыгнуть на своего поджарого серого противника.

– Бреки, – крикнул Бьёрн. – *Ко мне!*

Волкодав на мгновение заколебался, и мастиф врезался в него, широко разинув пасть и впевившись серому псу в шею.

– НЕТ! – Бьёрн подбежал ближе и отвесил белому псу тяжелый пинок.

– Ты что творишь с моей собакой, урод? – заорал Карл, бросаясь к дерущимся животным через весь двор, но Бьёрн не обратил на него внимания и снова пнул мастифа, угодив ему прямо в ребра. Огромный пес взвыл, выпуская волкодава, и тот отступил, опустив голову, но не сводя глаз с противника и все еще ожидая атаки.

Карл схватил брата сзади обеими руками, уперся каблуком ему под колено, нажал, повернул, и Бьёрн с криком ударился оземь.

– Не трожь моего пса! – прорычал Карл, перепрыгнул через упавшего здоровяка и схватил мастифа за ошейник. Пес заворчал на него, но не укусил.

– Успокойся, Эрла, успокойся, – сказал он, и мастиф заскулил в ответ.

Карл повернулся к великану, который уже поднялся на колени:

– Ты зачем на него свою сраную псину спустил, верзила хренов? – завопил он. – Сдурел, что ли?

– Никого я ни на кого не спускал, тем более на твою шавку, – зарычал Бьёрн. – Я на крик Эйнара вышел.

– И я должен этому поверить? – сказал Карл. – Ты специально это сделал...

– Я этого не делал! – крикнул Бьёрн. – Не делал – а сделал бы, так, сам знаешь, сказал бы тебе в лицо, а не напал со спины, как ублюбочный трус.

Кулаки Карла были стиснуты, а вес его уже начал смещаться с пятки на носок, когда голос Уннтора кнутом рассек воздух над ними:

– Если вы, два поганца, *сейчас же* не прекратите, оба получите, что заслужили, – рявкнул он, подходя к драчунам. – *Разошлись.*

– Это он начал... – начал Бьёрн.

– СЕЙЧАС ЖЕ.

Хельга увидела из дверного проема, как воитель и великан каким-то образом *сдулись* до шестилеток, отчитываемых отцом. Карл плюнул на землю и развернулся, чтобы осмотреть мастифа, который незаметно ускользнул и забрался под телегу.

– Почему вообще собаки не на привязи? – прорычал Бьёрн и склонился над окровавленным волкодавом, успокаивая его мягкими поглаживаниями и осматривая раны.

– Сорвались, наверное, – сказал Уннтор, подойдя к нему. – Побузить решили, прямо как хозяева. Так что, мне за вами смотреть весь день, или вы себя как взрослые мужики вести будете?

– Я ничего затевать не стану, – сказал Бьёрн и добавил себе под нос: – Я этого никогда не делаю.

Уннтор фыркнул.

– По крайней мере ты врать не научился, пока тебя не было. Дураком не будь, – сказав это, он направился в другой конец двора, где Карлу удалось выманить мастифа из-под телеги. Огромный пес улегся на бок и поскуливал, когда Карл касался его ребер.

– Переломы есть?

– Нет, но это не его заслуга, – прорычал Карл. – Нельзя так просто пинать чужую собаку...

– *Заткнись*, – сказал Уннтор. – Ты сам должен был убедиться, что твой пес хорошенько привязан. И он тоже, – добавил он, когда Карл попробовал возразить. – Но я хочу быть уверенным, что вы оба выросли и бросили это дурацкое соперничество, хотя бы на ближайшие три дня. Потом можете идти каждый своим путем и делать что хотите. Но пока вы на *моей* земле, относитесь ко мне с уважением. Я все еще могу задать трепку каждому из вас, да и обоим вместе.

Карл обернулся и посмотрел на отца:

– Мы что, приехали, чтобы ты на нас орал?

– Нет, – Уннтор оглянулся на Хильдигуннюр. – Мы вас позвали, чтобы посмотреть на вас – посмотреть на *семью*. Мы давно не виделись, и я решил, что пора это сделать. Я устал слушать, как ваша мать рассказывает сказочки о ваших успехах. Я хотел, чтобы вы сами о них рассказали.

Карл быстро огляделся. Женщины возвращались в дом, а Бьёрн занимался своим псом. Из него посыпались слова:

– Отец, мне нужна помощь: я взял в долг, чтобы расширить хутор, а потом у меня шестнадцать голов подхватили гниль, и я... я не могу расплатиться.

Уннтор нахмурился.

– Продай часть скота. Избавься от работников. Это не сложно.

– Этого не хватит.

– Сколько же ты занял?

– Слишком много, – сказал Карл. – Я думал...

– Так не надо было. Никогда не бери в долг, – резко сказал Уннтор. – Работай. Продай хутор, если нужно. Купишь новый.

– Почему ты не хочешь помочь своему кровнику?

Уннтор осмотрел Карла сверху донизу, тщательно подбирая слова.

– Потому что думаю, что любой из моих детей должен уметь помогать себе сам. И не пытаться взять больше, чем может унести.

С этими словами он развернулся и пошел прочь.

– Не смей от меня отворачиваться, *отец*, – пробормотал темноволосый. – Вечно ты жить не будешь.

У его ног скулил мастиф.

Эйнар закрыл за собой дверь кузни и огляделся вокруг. Мастерская его отца была устроена просто, но удобно: у стены примостился верстак, над ним висел ряд выдавших виды орудий. Он достал молоток и положил на верстак кривые гвозди. Первый удар заглушил скрип тихо открывшейся двери.

– А ты разве не должен за собаками присматривать? – сказала Гита за его спиной.

Эйнар резко обернулся.

– Любишь же ты к людям подкрадываться, – сказал он.

– Прости. Я не хотела.

– Да не беспокойся, – пробубнил Эйнар.

– Что ты делаешь? – спросила Гита, подходя ближе.

– Просто гвозди выпрямляю.

– Помочь не надо?

Эйнар нахмурился:

– Помочь? Э, нет. Это работа для одного.

Гита склонилась над верстаком, соприкоснувшись с Эйнармом плечами:

– Тогда можно я посмотрю?

Эйнар повернулся и впервые посмотрел на нее прямо. У нее захватило дух, а глаза заблестели в предвкушении.

Он протянул руку и взял ее за плечо. Потом отвел к двери, открыл ее и вытолкнул Гиту на улицу.

– Нет, – сказал он.

Гита начала падать назад, и ей пришлось сделать три шага, чтобы сохранить равновесие.

Бьёрн, осматривавший своего раненого пса на углу кузни, поднял голову. Он моргнул и усмехнулся:

– Ой, что это у нас тут? Юная принцесса не получила чего хотела?

Раненое животное заскулило у его ног.

– Заткнись, дядя! – крикнула она. – Он... он *дубина!*

И Гита умчалась прочь.

Пока Эйнар плотно закрывал дверь в кузню, здоровяк ухмылялся, но улыбка выцвела, когда он увидел, что от дома к нему шагает Карл. Темноволосый остановился ярдах в десяти от него.

– Я не натравливал Бреки на твоего пса, – сказал Бьёрн.

Карл посмотрел на горизонт, потом на деревья.

– Прости, что пнул тебя, – сказал он.

Бьёрн пожал плечами:

– Да ерунда. Зато быстро меня повалил. Хороший прием.

– На западе приходилось драться со здоровенными засранцами, – сказал Карл. – Для моего роста колено – лучшая ставка.

Бьорн ухмыльнулся:

– Я запомню – и в следующий раз заеду им тебе в рожу.

Карл ухмыльнулся в ответ:

– Жопа ты.

– И ты, брат, жопа, но меньше, хуже и не такая волосатая, – ответил Бьёрн. Вышедший из дома Уннтор уставился на них, но великан помахал ему рукой:

– Не беспокойся, батя, Карл просто объяснял мне, что был во всем не прав и что отдаст мне хутор, когда ты отплывешь на пылающей ладье.

– Кто сказал, что ему будет что отдавать? – спросил Уннтор. Стоявший между ними Карл на мгновение напрягся, потом рассмеялся. Проходя мимо сыновей, Уннтор тоже расплылся в улыбке:

– Ладно, собаки дикие, отведу-ка я вас побегать.

– В смысле? – спросил Карл.

Старик нырнул в кузню. Братья обменялись взглядами, но ничего не сказали.

Уннтор вернулся, неся три копья. За плечом у него был лук, на поясе – колчан. Он кинул каждому из братьев по копью:

– Пойдем охотиться.

– ...такая буча поднялась, – сказала Агла. Дневное солнце метало лучи в продушины длинного дома, озаряя четырех женщин желтым сиянием.

– Представляю себе, – сказала Хильдигуннюр, обстругивая небольшой кусок дерева. Вскоре он должен был превратиться в сидящую собаку, лошадку или быка – в кого она захочет. Лезвие двигалось плавно, малейшие надрезы делали в точности то, что она хотела. Когда ее

пальцы смыкались на рукояти из полированного оленьего рога, узкий нож словно становился частью ее самой.

«Как коготь», – подумала Хельга, наблюдая издалека. Она хотела заняться вышивкой, но треклятая игла отказывалась выполнять ее желания. То, что в ее воображении было изящной лозой, тянущейся от края юбки вверх по ноге, оказалось больше похоже на следы похмельной вороны. Она нахмурилась, в четвертый раз распоролла нитку и начала заново.

– Мы слышали только, что, когда у них кончилась еда, ее поймали на воровстве. Не знаю, где и на каком, но никто с ней несколько недель не разговаривал.

– Ужасно, – пробормотала Хильдигуннюр.

– Правда ведь? Поневоле задумаешься, могут ли такие женщины чему-то научиться и как они добывают себе мужей.

– О, я могу представить парочку способов, – сказала Хильдигуннюр.

Агла хихикнула.

– Так хорошо, когда есть с кем поболтать, – сказала она.

– Хорошо, – согласилась Хильдигуннюр. – А ты, Гита? Что ты думаешь об этой женщине?

Гита, понурившись, сидела рядом с матерью и давно уже не издавала ни звука. Помолчав, она выплюнула:

– Да корова она – была коровой, есть и всегда будет.

Агла зашипела, но Хильдигуннюр ее оборвала:

– Если то, что говорит твоя мать, правда, то можно и так сказать.

Гита фыркнула и снова ушла в себя, однако Хельга не могла не заметить, что ее локти и плечи выпирали теперь не такими острыми углами. Немножко, совсем немножко, самую капельку. Хильдигуннюр улыбнулась девушке и продолжила слушать Аглу.

Гита набрала в грудь воздуха и громко вздохнула, так, чтобы все услышали, но прежде чем кто-то смог отреагировать, дверь распахнулась и внутрь ввалилась Тири, жена Бьёрна.

– Добро пожаловать, Тири, – сказала Хильдигуннюр. Сидевшая рядом Агла не могла скрыть раздражения, хоть и пыталась.

Смущенная Тири быстро помотала головой.

– Прости меня, Хильдигуннюр. Я... уф, я... спасибо, что нас пригласили. Я пришла как гость... уф... я не могу найти Вёлунда, – сказала она дрожащим голосом. – Он никогда... Я не...

Хильдигуннюр поднялась на ноги и прошла половину дома, прежде чем Хельга поняла, что случилось. Улыбки в ее голосе уже не было:

– Давно ты его в последний раз видела?

– Уф... недавно.

– Агла и Гита – к реке. Хельга – к конюшне, – Хильдигуннюр положила руку на плечо Тири. – Мы пойдем к дороге. – Она дважды сильно хлопнула в ладоши. – Вперед.

Ее приказной тон поднял женщин на ноги еще до того, как они это осознали.

Как только они вышли на улицу, солнце обдало их жаром. В тени дома Хельга ненадолго забыла, что сейчас лето, но утреннее тепло уже сменилось давящим полуденным зноем. Шагая по двору и глядя в спины взрослых женщин, она думала о Вёлунде. Искать его в конюшне казалось неправильным. Что бы сделал мальчик? «Я в незнакомом месте», – представила она. «Мне жарко и неудобно. Я пойду к реке... нет, потому что, хоть тело у меня и большое, я еще щенок, и мне скучно. А играть интереснее...» Пока Хильдигуннюр вела Тири к главным воротам, а Агла вместе с Гитой удалялись в сторону реки, Хельга оглядела конюшню, приняла решение и свернула влево, к боковым воротам.

Эхо зовущих Вёлунда голосов следовало за ней всю дорогу к новой овчарне. Тени деревьев делали жару гораздо терпимее.

– Умный мальчик, – пробормотала она, вдыхая запах сосен, оглядываясь вокруг в поисках... *вот!* Черный круг там, где был перевернут камень; полоса на земле говорит о том, что кто-то тыкал палкой в живших под ним жуков. Она заторопилась дальше, сердце ее забило сильнее. Сломанная ветка, слегка оборванный мох – знаки были мелкими, но постоянными: кто-то прошел вверх по тропе, подбирая то, что казалось ему интересным. Еще она высматривала примятую траву или следы того, что он свернул с тропки, но ничего не находила.

Поворот – и над ней нависла новая овчарня с озаренной солнцем восточной стеной. Хельга заглянула за угол и увидела, что Вёлунд задремал, растянувшись в теньке.

С ее губ сорвался смешок, и мальчик заворочался, но не проснулся, пока она не подтолкнула его ногой.

– Вставай, засоня, – она улыбнулась ему. – Мама за тебя беспокоится.

Вёлунд открыл глаза и тупо посмотрел на Хельгу.

– Давай, *подъем!*

Мальчик перевернулся и неуклюже поднялся на ноги.

– Я... я заснул.

– Это бывает и с лучшими из нас, – согласилась Хельга, – но сейчас мы возвращаемся на хутор, и Эйнар – добрый мальчик, который за лошадами ухаживает, – найдет для тебя какое-нибудь дело.

Вёлунд кивнул с серьезным лицом:

– Это хорошо.

Хельга подавила улыбку.

– Отлично. Пойдем.

Она направилась обратно к дому, Вёлунд поначалу тащился позади, но потом догнал Хельгу и радостно зашагал рядом с ней.

– Вёлунд! – голос Тири прозвучал сразу же, едва они показались из-за деревьев, и Хельга увидела, как та пробежала несколько шагов к боковым воротам, а потом остановилась, словно сдерживая себя. Шедшая следом Хильдигуннюр стремительно приближалась к ним.

Мальчик замедлил шаг.

– Ну же, – сказала она, заставляя свой голос звучать радостно, насколько это было возможно. – Мы хотели найти тебе какое-нибудь дело, помнишь?

Но Вёлунд понурил голову и волочил ноги.

– Мне попадет, – пробубнил он.

– Может быть, – сказала Хельга, щеки которой уже болели от натянутой улыбки, – но трепка долгой не бывает, а потом ты сможешь поделаться что-нибудь интересное. Можем сходить на реку порыбачить.

Мальчик бросил на нее быстрый взгляд:

– На реку? Обещаешь?

На этот раз вымучивать улыбку не пришлось.

– Обещаю.

Его шаг немного ускорился.

Тири ждала у ворот, словно опасалась покинуть безопасный хутор.

– Ты зачем убежал, глупый мальчишка? – закричала она. – Я так испугалась!

– Хотел погулять, – пробубнил Вёлунд.

– *Никогда* так не делай, не сказав мне, куда идешь! – как только Тири смогла дотянуться до мальчика, она схватила его и затащила в ворота. – Пойдешь со мной и сядешь так, чтобы я тебя видела.

Увлекаемый матерью, Вёлунд вывернул шею, оглядываясь на Хельгу. Вид у него был несчастный.

– Обещаю, – сказала она одними губами и получила в ответ полуулыбку.

Когда мать и сын скрылись из виду, Хильдигуннюр спросила:

– Где ты его нашла?

– У новой овчарни, – сказала Хельга. – Он пошел поиграть в лесу и задремал в тенике.

Хильдигуннюр улыбнулась:

– Я ведь тебя не там просила искать, да?

– Да, – призналась Хельга.

– Хорошо. Так и должно быть, – довольно сказала старая женщина. – У тебя хорошее чутье, девочка. Верь ему. А я пойду поработаю на своей скамеечке и прослежу, чтобы юный Вёлунд не слишком пострадал от материнской руки.

Хильдигуннюр направилась в дом за Тири и Вёлундом, а Хельга смотрела ей вслед, радуясь, что ей-то с матерью повезло.

Лес был тихий, омытый зеленым светом, пробивавшимся сквозь листья. Карл двигался вперед, бесшумный, как дух, не сводя глаз с добычи – оленя, увенчанного рогами с семью отростками, который с удовольствием щипал траву в сотне ярдов от него.

Неожиданно животное взметнуло голову вверх, каждая мышца его тела напряглась, а ноздри затрепетали.

Карл, крихтя, бросился к нему, ломаясь через подлесок, но олень в мгновение ока сорвался с места, оттолкнувшись мощными ногами. Копье просвистело в воздухе и вошло глубоко в древесный ствол, в паре дюймов от шеи животного.

– Молодец, брат, – сказал Бьёрн позади него. – Может, он будет вкуснее, если его запугать до смерти.

– Заткнись, – Карл сплюнул. – Он небось тебя учуял.

– Не учуял, – сказал Бьёрн. – Если б он учуял, подошел бы ко мне ластиться.

Карл отошел от брата, ухватился за копьё и выдернул его из ствола.

– Где отец? Надо сказать ему, что олень ушел.

Бьёрн обернулся.

– Только что был у меня за спиной. У него же лук с собой, да?

В дерево, стоявшее в паре ярдов от братьев, воткнулась стрела.

– С собой, – сказал Уннтор чуть позади них. – И, поскольку делить работу – это честно, а я убил оленя, – ухмыляющийся старик показался из-за деревьев, за которыми скрылся олень, – вам придется его потрошить и тащить.

Карл, не говоря ни слова, бросил отцу копьё.

– Хорошо. Где он?

Уннтор показал себе за спину, и они разглядели дорожку крови. Карл раздвинул ветви кустарника и скрылся из виду.

– Когда ты успел свернуть и обойти нас? – спросил Бьёрн.

– С полмили назад, – ответил старик.

– А откуда ты узнал, где он будет и куда побежит?

– Когда-то это были ваши леса, но моими они стали еще раньше, – Уннтор улыбнулся и нырнул в кусты позади Карла, который стоял над телом оленя. Шею животного пробили две стрелы, одна из которых прошла насквозь и показалась с другой стороны.

– Неплохо, старик, – сказал Бьёрн. – Он, должно быть, совсем рядом с тобой прошел.

– Рядом, – ответил Уннтор. – Иногда надо стрелять, даже если зверь к тебе слишком близко.

– Не спешишь начинать, брат? – усмехнулся Бьёрн.

– Ты всегда лучше управлялся с ножом – когда цель не двигалась, – ответил Карл.

– Это потому, что он слушал, когда я его учил, – проворчал Уннтор. – А если вы еще подождете, лес освежает тушу за вас.

Привлеченные запахом крови и смерти мухи уже кружились над телом.

– Хорошо, – сказал Бьёрн, – давайте начнем. Ульв, услышь нашу молитву. Благодарим тебя за посланную нам добычу. Кровь животного – твоя. Охотник приветствует тебя.

Он опустился на колени рядом с беззащитным горлом оленя, повернул его шею и перерезал ее умелым, отточенным движением. Густая кровь потекла и стала впитываться в лесную землю.

Собаки почуяли их первыми и принялись лаять на заходящее солнце. В доме звук казался потусторонним, словно что-то происходило далеко-далеко отсюда. Вслед за собаками послышался бесплотный голос Яки:

– Они возвращаются, – без надобности объявил он.

– Самое время, – сказала Хильдигуннюр, убрала нож и опустила кусочек дерева в маленький полотняный мешочек.

Агла уже поднялась и разминала ноги и плечи. Когда она двинулась к двери, Тири откашлялась:

– Э, как вы думаете... а... может быть, мы не станем говорить Бьёрну, что Вёлунд терялся?

Хельга взглянула на свою мать, чье лицо было совершенно невозмутимо. Она чуть нахмурила брови:

– Вёлунд? Терялся? – Она улыбнулась. – Мой внук все время был со мной.

Жена Бьёрна выдохнула и улыбнулась Хильдигуннюр:

– Спасибо, – тихо сказала она.

– Пшш. Не стоит. Просто седи спокойно. Они скоро придут. Мои старые косточки подсказывают, что сегодня мы зажарим кое-что аппетитное.

Тири снова успокоилась, и Хельга попыталась мысленно поставить ее рядом с большим, громогласным Бьёрном – и не смогла. С тех пор как она привела Вёлунда обратно, эта женщина не смогла связать и трех слов. Хельга знала, что в браке должно быть своего рода равновесие, но таких супругов она прежде не видела. Уннтор и Хильдигуннюр, возможно, чуть отличались ростом, но Бьёрн и Тири? Как могла такая женщина выстоять против мужчины, размерами напоминающего горного медведя и с голосом в два раза громче? Она вернулась к вышивке, пытаясь обрести то спокойное, приятное состояние разума, когда пальцы неустанно работают сами по себе. Но она не смогла, как ни старалась, стряхнуть с себя неуютное ощущение, которое появилось, когда Карл посмотрел на нее. Хельга слышала, как ее мать учит девушек избегать нежелательного внимания и куда, если что, лучше метить локтем или коленом, но тут случай был иной: мужчины, на которых ей жаловались, не были ее сыновьями.

Снаружи слышались голоса, почти заглушенные буйным лаем собак.

– Громкие какие, правда? – сказала Хельга.

– А какими им еще быть? – ответила Хильдигуннюр. – Они простые твари, а в воздухе пахнет кровью.

Моя плоть и кровь. С тьмой в сердце. Они...

Короткая, острая боль пронзила ее мысли. Хельга посмотрела вниз, на иглу: та с легкостью прошила ткань и вошла в ее палец. На черной нити ярко алела капля крови.

Глава 3

Аслак

Хельга оглядела дом, и у нее закружилась голова. Новое место на дальнем конце стола казалось странным и неприятным, как и новые лица вокруг нее. Хотя в дом можно было втиснуть еще тридцать – сорок гостей, он и так казался забитым людьми. Гита уселась рядом с матерью, напротив Яки. Помощник Уннтора выглядел весьма довольным, в отличие от своего сына; сидевшему рядом с ним Эйнару явно было неуютно. Карл и Агла разместились ближе к углу, по правую руку от отца. Старый Уннтор и Хильдигуннюр сидели во главе стола и смотрели туда, где расположился Бьёрн с семьей. Проходя мимо него со своей тарелкой, Хельга едва разминулась с простертой рукой, и была оглушена громогласным рассказом:

– ...но волки-то не знают, что их убивать положено, верно? И вот мой дружище Арнтор забирается в снег, чтобы достать того, которого вроде как ранил, а из кустов выпрыгивает еще десяток! – Бьёрн шлепнул себя по бедру для пушного эффекта. – Видели бы вы его лицо, когда он развернулся и попытался удрать с криками, – он скорчил рожу: красные щеки, прерывисто раздуваемые дыханием: – *«Помоги мне! Помоги!»*

– А потом что случилось? – спросила увлеченная историей Гита.

– Догнали его, конечно, – сказал Бьёрн. – Опрокинули в снег. К счастью, я был рядом, так что... – Хельга краем глаза заметила, как Тири вздыхает, словно говоря: «Ну вот, опять», – стянул портки и обоссал их!

Слова Бьёрна чуть не захлебнулись в силовом хохоте.

– Они ненавидят этот запах, – объяснил он, когда отсмеялся и заметил ошарашенный взгляд Гиты. Потом добавил: – Арнтор тоже так сделал!

Агла улыбнулась ему, потом посмотрела на Тири:

– Расскажите нам, что творится на востоке. Правда ли, что Харальд Прекрасноволосый угрожает вторжением?

– Пфф, – сказал Бьёрн. – Эта старая девица не осмелится. Ему же ногами придется идти. Земля возьмет половину его людей.

Хельга подумала, что Бьёрн внезапно перестал казаться таким уж дружелюбным.

– Перестаньте говорить о войне, – строго сказала Хильдигуннюр. – Ешьте мясо молча.

– Где уж тут, когда на том конце стола такой тролленок сидит, – ответил Карл.

– Заткнись, коротышка, – сказал Бьёрн. – Я говорю, что хочу и когда хочу.

– Вот в этом-то и беда, – сказала Гита.

На мгновение все замерло. Взгляды метались над столом, а потом Бьёрн загоготал:

– Ха! Да за этим столом только у девки есть пара яиц!

Гита ухмыльнулась, и он добавил:

– Если так и дальше пойдет, она еще и мальчонкины сегодня ночью себе заграбастает...

Он кивнул на Эйнара, и усмешка сразу же сползла с лица Гиты. Она бросила ложку, поднялась и устремилась прочь от стола.

– Гита! – рявкнул ей вслед Карл, но без всякого результата.

Агла глубоко вздохнула:

– Полегче с ней, Бьёрн, – начала она. – Она еще ребенок...

– Ребенок? – оборвал ее Бьёрн. – Да она за этим жеребцом весь день гонялась – и уж поверь мне, совсем не детскими делами хотела с ним заняться.

Эйнар сделался темно-багровым и уткнулся взглядом в тарелку.

– Бьёрн! – резко сказала Тири.

– Что? – ответил здоровяк. – Всем же видно.

Хельга взглянула на Хильдигуннюр, и та указала глазами на дверь. Приказ был ясен: *найди ее*.

Снаружи было прохладнее, длинные тени сливались с сумраком. Собаки знали ее запах и лаять не стали. Она быстро заглянула в несколько построек, хотя была уверена, что там пусто, потом мысленно прикинула, куда могла пойти Гита. В следующий момент она повернула вправо, к реке.

Она нашла девушку сидящей в траве: голова опущена между колен, сапоги в дюйме от воды.

– Засранец он, – сказала Хельга, подойдя к сторбленной фигуре.

– Который? – спросила Гита, не поднимая головы, голос ее дрожал.

Что бы сказала ее мама? Она вспоминала все разговоры, которые слышала в доме.

– А нужно выбрать одного? Все скопом.

Ответом был короткий, резкий смешок.

– Это верно. – Гита обернулась и хитро взглянула на нее в меркнувшем свете. – Ты с ним была? С Эйнармом?

– Что?

На лице Гиты промелькнуло раздражение.

– Ты с ним *была*? Седлала его?..

– А... А! – Хельга наконец поняла, хихикнула и села рядом. – Нет. Нет, не была. Я не стала бы, я его так давно знаю, он мне скорее брат.

– Он мне нравится, – сказала Гита. – Или, ну, понимаешь... Я думаю, с ним будет хорошо.

«А люди на это смотрят по-другому», – прошептала Хильдигуннюр у нее в голове, и Хельга ухватилась за первую же мысль. Здесь нужно было сочувствие.

– Ну, кто знает? – сказала она. – Я давно уже не видела его ни с одной девушкой. Не думаю, что он с кем-то помолвлен.

Лицо Гиты просветлело:

– Правда? Это хорошо...

Издали донесся лай одной из собак, а за ним – приглушенные голоса.

Девушки переглянулись, и Гита, развернувшись, подползла на животе к краю берега. Она оглянулась на Хельгу:

– Двое, с двумя детишками. Две лошади. Собака. Оружия вроде нет.

– Аслак прибыл, – сказала Хельга.

«И стало их трое», – подумала она.

Первый стук утонул во вдохновенном исполнении Бьёрном «Хуторяночки и бычары». Второй был громче и настойчивей, и, когда все в доме замолчали, дверь открылась, и вошел молодой мужчина, чье худое тело укрывал изрядно поношенный плащ.

– Найдут ли четверо усталых путников здесь гостеприимный кров, – сказал он, – и, может быть, немножко мяса?

– АСЛАК! – проревел Бьёрн. – Маленький ты поганец!

Даже Карл поднял кружку и улыбнулся. Молодой человек посмотрел на них и собрался уже заговорить, когда мимо его бедер протолкнулись две светловолосые молнии, по одной с каждой стороны.

– ДЕДУЛЯ! БАБУЛЯ! – Браги и Сигрун пронеслись по дому и прыгнули на Уннтора и Хильдигуннюр, обняв их так крепко, как только могут шестилетки. В дом вошла женщина и встала рядом с Аслаком. Она держалась гордо, хоть и была на голову ниже его. Глаза ее были словно кусочки кремня. Широкая улыбка Бьёрна растянулась еще больше:

– И Руна! Доб...

– Добро пожаловать в мой дом, – твердо и громко сказал Уннтор – так, чтобы перекрыть голос великана.

– У нас есть для вас ужин, – сказала Хильдигуннюр, обходя стол; Браги не отпустил ее ногу.

– Ну же, медвежонок, – проговорила она, взъерошив его волосы. – Отпусти бабушку, а то оголодаешь до смерти.

Она взглянула на костлявое тельце мальчишки, но ничего не сказала.

Сестра Браги уже затолкала деда в кресло и уселась на его колено.

– А ты знаешь, кто такая лиса? – спросила она.

– Знаю, – начал было Уннтор, но внучка сурово взглянула на него. Старый пират сдался. – Ну, кажется...

– Так вот, – важно изрекла девочка, – *лиса* – это такой зверь с большущим хвостом. Только она не волк, потому что волки больше.

– Ах вот оно что? – сказал Уннтор. – Хорошо, что есть кому мне рассказать.

– Ага. Так что сиди спокойно и учись, – сказала Сигрун и скрестила руки, как делали все матери во все века. Уннтор серьезно кивнул, и не один он пытался сдержать улыбку.

– Ну, Аслак, почему так поздно? – спросил Карл, оборвав лекцию племянницы об отличиях лис и волков. – От вас же сюда ехать полдня, так?

Аслак поморщился.

– Ну, мы поздно выехали. Я...

– У нас были дела, – сказала его жена.

– Тяжело вам, наверное, на вашем хуторе, – усмехнулся Карл.

– Тяжело, – сказала Руна, сверкнув глазами, – но мы неплохо справляемся.

– Рад слышать...

Но Руна уже направлялась к котлам, где стояла Хильдигуннюр с черпаком наготове.

– Папа, мясо! – Браги аккуратно передал отцу миску.

– Спасибо, сын, – сказал Аслак.

– Бабушка говорит, я могу стать викингом, когда вырасту, – объявил Браги.

– Правда?

– Ага, и буду растить викингскую морковку, и ходить на охоту, и добывать викингские меха, и плавать с ними на корабле, и продавать их кому-нибудь как настоящий викинг, – сказал Браги.

– Не говори с папашей про викингов, парень, он ничего не знает. Давай-ка присядь с дядюшкой Карлом.

Темноволосый похлопал по скамейке рядом с собой, и Браги в мгновение ока очутился на ней.

– Мой сын Ормар, твой двоюродный брат, как раз ушел в викинги, – сказал Карл. – Семнадцать зим, плывет, куда хочет, только он и море.

– Не забивай мальчишке голову дурью, – оборвала его Агла. – Ормару сейчас небось голодно, и холодно, и мокро, и я надеюсь, у него хватает ума держаться подальше от копий с топорами.

– У викингов и копья с топорами есть? – Браги широко распахнул глаза от восторга.

– Конечно, есть, – ответил Карл, ухмыляясь. – Завтра я научу тебя драться. Только начнем с палки для лупцевания.

Мальчик моментально соскочил с лавки.

– Мама! *Мама!* Дядя Карл научит меня драться! Палкой! Палкой для... для... для убивания!

– Правда, что ли? – голос Руны был ледяным.

– Правда! Можно, мама? Можно? *Можно?*

Руна, поджав губы, подошла к сидящему Карлу. Она наклонилась и начала шептать ему в ухо.

– Но парню же надо... – начал Карл.

Стремительно, как молния, Руна схватила его запястье, резко прижала к столу и оперлась на него всем своим весом, не переставая шептать. Несколько мгновений спустя, высказав все, что думает, она с улыбкой отступила. Карл смотрел ей вслед, незаметно потирая под столом саднящее запястье.

– Конечно, можно, – сказала Руна сыну. – Я только объяснила дядюшке Карлу кое-что про маленьких мальчиков, рассказы и про то, что знаю, где он спит.

– Ура! – крикнул Браги и моментально отвлекся на протянутую ему ложку мяса.

Разговор был прерван утробным смехом с другого конца стола, и они устали на старика, который, усмехаясь, держал на коленях хмурю Сигрун.

– Это *не смешно!* – повторила девочка.

– Конечно, конечно, ты права, лисичка именно так и говорит. Иди-ка, бабушка тебе положит вкусного мяса, ага?

Большие руки подхватили Сигрун под мышки и подняли высоко в воздух, вызвав восторженный писк, а потом осторожно опустили на пол. Девочка немедленно потопала к бабушке, протягивая руки за миской.

Когда Гита с Хельгой вошли в дом, Хильдигуннюр поманила их к себе и щедро навалила им тушеного мяса. Гора грязных мисок повествовала об успешно прошедшем ужине.

– Полегчало на свежем воздухе? – спросила Хильдигуннюр, внимательно глядя на Гиту.

– Полегчало, – ответила девушка. Ее нижняя губа на мгновение задрожала, но потом лицо снова спряталось под маской.

– Хорошо, – сказала Хильдигуннюр.

Хельга наклонилась к ней и прошептала:

– Там, кажется, еще люди подходят.

Ее мать обвела дом взглядом. Браги и Сигрун бросили еду, чтобы поиграть с мешком старых костей, который Хильдигуннюр подготовила к их приезду; они забрались в уголок и с головой ушли в какую-то запутанную игру, изображавшую хуторскую жизнь. Вёлунд неслышно переместился поближе и с завистью наблюдал за ними со стороны. Троица братьев собралась вместе, очередной длинный и запутанный рассказ Бьёрна был в разгаре; женщины, игнорируя шумных мужей, все еще сидели за столом и обменивались своими, не такими сальными и хвастливыми историями. Эйнара и Яки видно не было, они, похоже, ускользнули наружу, чтобы взглянуть на животных.

Хильдигуннюр вздохнула:

– А это, значит, Йорунн. – Она встряхнулась, словно избавляясь от каких-то мыслей, и подмигнула Хельге. – Хорошо, дочь моя. Надеюсь, ты тоже когда-нибудь заведешь себе семью. Я бы не хотела, чтобы тебя миновали все эти радости.

Она развернулась и громко крикнула:

– Всем *подъем!* У ворот гости, и на этот раз они не застанут нас врасплох. Мы пойдем и встретим их. Все *вместе*.

Глава 4

Йорунн

Когда они вышли из дома, взгляд Хельги сразу же привлекло пламя, жадно бросавшееся на стремительно темневшие небеса с вершины ворот. Под факелом стоял Яки; мерцающий свет выхватывал каждую черточку его лица.

Тень другого человека. Мысль танцевала перед глазами Хельги, но как только она смогла на ней сосредоточиться, свет сместился, и он снова вернулся: дружелюбный старый Яки, такой же, как всегда. Уннтор подошел к нему с малюткой Сигрун, гордо восседавшей на дедушкиных плечах, и занял свое место у ворот. Стоя рядом, Уннтор и Яки смотрелись как братья. До Хельги донеслось журчание слов: Сигрун пыталась объяснить обоим, почему птицы любят летать, а не ходить.

Семьи заняли позиции с обеих сторон, как воины. В сумерках можно было разглядеть лишь смутные фигуры двоих всадников, что медленно приближались к хутору.

– Давай быстрее, девочка! – крикнул Бьёрн. – Аслак бородой обрастет, пока тебя дождется!

– Заткнись, косолапый ты мешок с мясом! – прокричал в ответ женский голос. – Никогда такому не бывать!

Карл улыбнулся:

– Не похоже, что брак смягчил нашу любимую сестру.

– Язык у нее всегда был тот еще, – согласился Бьёрн.

Стоявший рядом Эйнар пробормотал что-то, слишком тихо, чтобы Хельга могла услышать.

– Что ты сказал? – прошептала она.

– Ничего, – ответил Эйнар, медленно вращая плечами и отгоняя напряжение. И повторил: – Ничего.

Всадники явно не торопились, их лошади двигались к хутору шагом. Даже издали Хельга сразу узнала Йорунн: худая, с прямой спиной, почти с такой же фигурой, как у Хильдигуннюр. Длинная каштановая коса свисала у нее ниже груди. Мужчина рядом с ней был среднего роста и сложения. Огонь отразился в пытливых глазах, которые изучали собравшихся людей, но он не проронил ни звука, пока они с женой слезали с лошадей.

– Добро пожаловать, дочка, – сказал Уннтор. – Мое старое сердце гордится, видя тебя. – Он взглянул на Сигмара. – Приветствую и тебя, Сигмар: ты мне такой же сын, как они, – он показал на Карла, Бьёрна и Аслака.

– Благодарю тебя, Уннтор, – ответил Сигмар. – Я должен был посетить твой дом раньше.

– Конечно, должен был, – сказал Уннтор. – Проходите внутрь. Еда готова.

Семья двинулась к дому, но Хельга заметила, что Эйнар держится в стороне.

– Что случилось? – спросила она, когда никто не мог их услышать, но Эйнар лишь покачал головой.

– Ничего, – пробормотал он, отводя взгляд в сторону.

– Что ж, – сказала она, хватая его за локоть, – тогда пойдем. Нечего торчать тут как чирей на жопе у лошади.

Она почувствовала небольшое сопротивление, но потом он сдался и позволил вести себя к свету, лившемуся из двери дома.

Когда они вошли, Йорунн уже удобно устроилась рядом с отцом и болтала:

– ... а потом мы пойдем на юг. Но мы тут надолго задержимся, чтобы я отдохнула, потому что Сигмар меня постоянно подгоняет, – добавила она с усмешкой.

– И хорошо, – пророкотал Уннтор. – Как насчет еды? Мама сделала наваристое теплое мясо. Или вы не голодны?

– Мы поели в дороге, – призналась она, стыдливо взглянув на свою мать.

– Ладно, тогда устраивайтесь. Мы собирались уложить детишек спать – как вас раньше, помнишь?

Длинный стол был уже разобран и прислонен к стене, а семьи расположились большим полукругом. Карл, Агла и Гита сидели у своих кроватей, Карл тихо болтал с женой, пока она заплетала светлые волосы дочери в косу. Аслак сидел рядом с Руной, но та повернулась к нему спиной и склонилась над двумя маленькими фигурками. Бьёрн сидел в одиночестве на другом конце большой комнаты.

Хильдигуннюр вытащила стул и разместила в центре полукруга. Рядом с ней расслабилась в огромном резном кресле вождя Уннтор.

– Хочу послушать историю, – сопротивлялся сну Браги, завернутый в кокон одеяла.

– Так замолчи и слушай, – сказала Руна.

Хельга отвела Эйнара в угол, к верстаку, откуда они вытащили стулья. Она заметила, что Гита мельком взглянула в их сторону, но никак не отреагировала. *Люди смотрят по-другому.*

– Хорошо, – сказала Хильдигуннюр. – Вы занимаете больше места, чем когда-то, – добавила она, широко улыбаясь.

За ее спиной в дом прокралась Тори с Вёлундом в хвосте, и подошла к Бьёрну. Она прошептала ему что-то на ухо, и он кивнул в ответ.

– Но вы всегда любили хорошие истории. Эта – о братьях и чести.

– История! – пискнули позади Аслака, и он с улыбкой обернулся, чтобы утихомирить дочь.

Наконец в доме воцарилась тишина.

Хильдигуннюр прочистила горло:

– Давным-давно, во времена королей, в эпоху героев, жил один человек – самый сильный и самый ловкий из всех. Звали его Старкад, и не было ему равных. Был у него названный брат, Викар Харальдссон, которого вырастил убийца его отца. Викар поклялся отомстить, и Старкад помог ему стать королем Агдера и западных фьордов. Они со Старкадом сражались во многих битвах, и никто не превзошел Старкада в искусстве войны. И вот однажды...

– На них напало чудовище! – выкрикнул Браги.

– Тише, – сказала Руна, – это в другой истории. Слушай внимательно, тебе надо об этом знать.

– Однажды, – продолжила Хильдигуннюр, точно ничего не случилось, – они плыли по морю, и ветер покинул паруса Викара. С ними был прорицатель, старик по имени Гимли. Он гадал по костям, бросал их снова и снова, но эти проклятые штуки говорили одно: король должен быть принесен в жертву. Когда воины восстали, Старкад встал между своим королем и целым кораблем викингов и заявил, что сначала им придется убить его. Когда никто этого не сделал, Викар сказал, что нужно плыть к берегу и размыслить над волей богов дома. Ночью, перед тем как они решили судьбу Викара, отчим Старкада, человек по имени Грани Конский Волос, позвал его на долгую прогулку. Они прошли по мосту, что сверкал множеством оттенков серого в свете луны, и попали на тайный совет, где Грани сбросил свой капюшон и оказался Одином, – Хильдигуннюр подмигнула Хельге. – Многомудрый восславил Старкада за его верность и наградил множеством даров, а еще Один пообещал, что Старкад проживет три человеческих жизни и в каждой будет иметь тройную удачу. Получил воин невообразимое богатство и лучшее оружие, дающее победу в каждой битве, уважение правителей – и в придачу ко всему талант скальда.

Хельга услышала, как по дому разносится одобрителное бормотание: это правильно, что боги вознаграждают за верность.

Однако Хильдигуннюр не закончила.

– Но, услышав, что Один вознес Старкада почти наравне с самими богами, Тор преисполнился яростной ревности, – продолжала она, и теперь ее голос был суров. – Он проклял Старкада, отныне собственного брата: Тор обрек его совершать преступление в каждой жизни, лишил детей и наложил на него гейс: каждый раз, когда Старкад станет хозяином дома, хутора, любой земли, – и недели не пройдет, как их уничтожат. Но и на этом Тор не остановился: Старкаду всегда будет мало богатства, он никогда не выйдет из битвы без самых болезненных ран, простой народ будет его ненавидеть, и он всегда будет забывать сказанные им висы. Так, благословенный и проклятый богами, Старкад ходил по земле трижды шестьдесят лет, самый удачливый и самый несчастный викинг на свете. Он не мог долго жить в одном месте. Всех его друзей забирала смерть – и ему приходилось мириться с тем, что худшие скальды поют его песни как свои. Он дожил бы до этого дня, если бы Тор не предложил ему сделку: убить волшебным копьем внука его лучшего друга. Как только сына Викара не станет, викинг, что не может умереть, обретет покой. В конце концов Старкад Могучий стал пешкой богов и потерял самого себя.

Она посмотрела каждому из своих детей в глаза, прежде чем закончить:

– Так помните, – сказала она, подкрепляя слова властным взглядом, – Тор был отравлен ревностью, и не было чести в том, что он сделал со Старкадом. Не богатством или страхом измеряется ваше достоинство, но весом вашего имени. Вы дети Уннтора Регинссона, и я наказываю вам высоко вознести его имя своими делами.

Слабо горевший огонь бросал красноватые отсветы на пол дома; люди были не более чем смутными силуэтами. Хельга увидела, как самый крупный из них зашевелился:

– Пора в кровать, – пророкотал, вставая, Бьёрн, и Тири вскочила, подняв на ноги сонного Вёлунда. Тихими пожеланиями доброй ночи их проводили за дверь. Семья Карла ушла в дальний угол дома, и вскоре Хельга слышала только медленное размеренное дыхание, перемежаемое легкими всхрапами.

Но в ушах ее все еще звучал голос матери: *«Он стал пешкой богов и потерял самого себя»*.

Сон пришел к ней нескоро.

Глава 5

Подготовка

Первые лучи утреннего солнца перевалили за холм, даруя сумеркам жизнь и цвет и перекрашивая деревья, окружавшие поле, из серых в зеленые. Ковыляя спиной вперед, Хельга тащила через траву сломанный лемех, уставившись на свои согнутые колени и след перед собой.

– Иииии... стой! – скомандовал Эйнар.

Она подчинилась приказу.

– *Тяжелый*, – сказала она, потирая натруженные руки. – Почему не ты это делаешь?

– Кто-то должен следить за бороздой. Теперь поверни направо, – услужливо показал он и проигнорировал ее хмурый взгляд.

Она взглянула вниз, на ноги, потом на прямую линию между собой и Эйнаром, вздохнула и развернула лемех.

– Вот так?

– Хорошо, теперь тащи его в эту сторону, пока я не скажу остановиться, – он показал влево.

– Да ты этим наслаждаешься, – пробурчала Хельга, когда земля наконец стала поддаваться лемеху, и между ее отступающими ногами появилась линия.

– Остановись и развернись!

Хельга сделала, как было сказано, и направила линию обратно к Эйнару. Когда она добралась до него и соединила третью линию с первой, с нее катился пот.

– *Зачем* это? – спросила она, переводя дыхание.

– Ты что, не помнишь прошлый раз?

– Давай представим, что нет, – сказала Хельга резче, чем собиралась.

– О, – сказал Эйнар, – точно. Уже одиннадцать лет прошло. Извини. Так вот, это для метания камней. – Он махнул рукой на большой треугольник, вычерченный Хельгой на земле. – Тот, кто кинет дальше, победит, но нельзя выходить за линию. Потом будет другое состязание, вон там, – он указал на барьер высотой по колено, за которым высились три мишени – ближняя в двадцати ярдах, самая дальняя в сотне. – Будут метать топоры и копья, потом стрелять из лука.

– И все в один день?!

– А потом еще гонка, – Эйнара было уже не остановить. – Сначала туда, – он небрежно махнул рукой в сторону северного края поля, где из земли торчал шест, – вокруг того шеста и к следующему, – второй шест высился далеко на восточном конце поля, – потом мимо третьего и назад.

– И на этом они закончат?

– О нет, – Эйнар усмехнулся. – Старый медведь заявил, что будет еще игра в тафл, но больше ничего не сказал.

Хельга нахмурилась:

– Почему?

– Есть у него причина, наверное, – сказал Эйнар. – У него она всегда есть.

Издали донесся стук и дребезжание телеги.

– Ох, зараза! Я забыл! Камни...

– *Какие* еще камни?

В полумиле от них показался Яки, медленно ведущий лошадь с телегой. Эйнар огляделся, бешено дергая головой:

– Где топор?

Хельга остановилась и задумалась, восстанавливая их передвижения.

– Вон там, – сказала она, – где мы еду оставили.

Топор был прислонен к длинному бревну, идеальному для того, чтобы посидеть на нем и перекусить. «Хорошо знать, что в жизни главное», – подумала она и улыбнулась.

Эйнар подошел к большому топору и поднял его.

– Отлично, – сказал он, ни к кому не обращаясь. Потом, хорошенько размахнувшись, обрушил лезвие на ствол, повернув перед столкновением так, что, когда топор вошел в дерево, полетели щепки. Сильные руки немедленно выдернули его и опустили еще раз, и еще, и с каждым разом лезвие вгрызалось все глубже. Хельга наблюдала, как снова и снова напрягались и расслаблялись мышцы Эйнаровой спины, когда он раз за разом замахивался топором, словно подчиняясь сильной, ритмичной мелодии. Вскоре от ствола отвалился четырехфутовый кусок, заостренный с одной стороны, плоский с другой. Эйнар пододвинул ногу под полено и оттолкнул его в сторону, потом переместился дальше и начал все заново.

Хельга отвернулась, не прислушиваясь к ритмичному стуку металла, ударявшего о дерево, и заметила Яки. Старик приближался к ним, но не торопился, мягко направляя лошадь в нужную сторону. Увидев ее, он помахал, и тележка задрезбужала дальше, остановившись, как раз когда Эйнар нанес последний удар.

– Ты что, парень, только заканчиваешь? – сказал Яки.

– Забыл, папа. Прости. Я почти все время потратил, заставляя Хельгу работать.

– Что? – выпалила Хельга. – Неправда это, жопа ты овечья!

Эйнар ухмыльнулся:

– Ужасно трудно с ней бывает.

– Ага, расскажи это кому-нибудь, кто захочет тебя слушать, – сказала Хельга. Потом остановилась и задумалась. – Хотя погоди. Нет таких людей.

– Не бойся, – сказал Яки. – Я-то знаю, кто из вас лодырь.

Эйнар поднял одно из поленьев. Оно едва помещалось у него в руках.

– Куда их нести?

Яки огляделся вокруг.

– Вы хорошо поработали, – сказал он. – Все так, как и должно быть. Камни сбросим там.

Он показал на центр поля.

Хельга последовала за Эйнаром, который отволоч свое полено в указанное Яки место. Пока его отец подводил туда лошадь, парень перевернул кусок дерева и вогнал его в землю так, что получилась ровная круглая площадка. Он прикинул ее размеры по высоте бедра, потом налег сверху всей тяжестью.

– Вроде устойчиво, – сказал он Яки.

Старик подошел ближе, пнул полено, затем пару раз толкнул его и выразил свое одобрение:

– Сойдет. Тащи другие два.

– Можешь помочь, если хочешь, – сказал Эйнар Хельге, поднимая следующее полено.

Она метнула в него свирепый взгляд, потом нагнулась и подобрала последний кусок дерева, приказав себе не кривиться от натуги. Вместо этого она наклонила голову и улыбнулась Эйнару:

– Веди меня, лодырь.

Она постаралась не морщиться, сбрасывая полено на землю, но не удержалась и скорчила гримасу, когда Яки с легкостью подхватил его и установил на место. Эйнар взял второе, и вскоре оба столба вошли в землю на равном расстоянии от первого.

– Все? – спросил Эйнар.

– Не совсем, – ответил Яки. – Не забывай о треклятых камнях.

Он подошел к телеге и откинул заднюю доску. На дне лежали три огромных валуна. Первой мыслью Хельги было: «Никто не сможет их поднять!» Самый маленький по размеру и форме напоминал тело овчарки, а самый крупный был больше похож на мяч – он достал бы Хельге до колен.

Эйнар тихо присвистнул:

– Эти?.. А мы справимся?

– Старик попросил, – сказал Яки. – *Именно* эти три, – на лице его мелькнула тень улыбки. – Не знаю уж зачем. Он сказал, что раз они уже в телеге, почему бы их и не использовать.

– Ясно, – сказал Эйнар со вздохом. – Ладно, тогда за дело.

Он запрыгнул в телегу, согнул колени и, крикнув, начал толкать меньший из камней, пока тот неохотно не сдвинулся, заскрежетав по дну телеги.

– Осторожно... – Яки подошел ближе, готовясь поймать мозолистыми руками приближающийся край камня. – Давай-ка сделаем все с первого раза.

– *Очень... хороший... план...* – процедил Эйнар сквозь стиснутые зубы.

Как только камень достиг края, Яки сразу нашарил удобное место, чтобы ухватиться, и потянул на себя.

– Вот так, – выдавил он, – теперь спускайся сюда.

Эйнар тут же соскочил с телеги и встал плечом к плечу с отцом. Вместе они осторожно опустили валун на землю рядом с первым столбом.

– Это было не так уж сложно, – сказал Эйнар, когда они перевели дыхание.

– Не сложно, да, – ответил Яки.

– Как насчет этого чудовища? – спросил Эйнар. Второй камень напоминал срубленную с длинного дома крышу: он был почти треугольным, но широким и длинным в неудобных местах.

– За этот нужно браться осторожно, – сказал Яки. – Ухватись не там, и он покажется раз в пять тяжелее. Я в этом не так хорош, как он.

Хельга отошла подальше от них, когда Эйнар встал рядом с отцом. Кряхтя и ругаясь, они ухитрились подтолкнуть валун к краю телеги, потом прыгнули вниз и приняли его вес на руки. Тяжело дыша и шатаясь, они подошли ко второму столбу. Согнули колени и стали медленно опускаться, но в футах от земли Яки поморщился.

– Бросай его... – просипел он с красным лицом.

Эйнар с радостью подчинился.

– ...только ноги береги, – закончил старик, когда камень приземлился.

– *Спасибо*, папа. Ты *такой* заботливый, – сказал Эйнар. Оба мужчины стояли рядом, тяжело дышали, уперев руки в бедра, и смотрели на камень.

– Редкая, однако, сволочь, – сказал наконец Эйнар.

– Это верно, – согласился его отец.

Эйнар расправил плечи:

– Ладно, – сказал он. – Давай стацим с телеги третий и закончим на этом.

– Этот мы трогать не будем, – ответил Яки, медленно подходя к лошади.

Кожу Хельги покалывало. Она увидела, как взметнулись уши животного; до нее долетали лишь случайные, едва слышные слова, странные звуки, которыми Яки успокаивал и убеждал лошадь, но кобыла фыркнула и запрокинула голову, а когда Яки взялся за уздечку, не стала вырываться.

– Какой план? – спросил Эйнар.

– Возраст и мудрость, – ответил Яки, – вот какой план.

Мягко натянув поводья, он пустил лошадь шагом, и телега двинулась за ней. Яки что-то шепнул кобыле, и та остановилась. Старик прошел мимо передних ног животного и положил

выдубленную руку ей на круп. Потом взял поводья и плавно потянул на себя, одновременно подталкивая напрягшиеся мускулы. Лошадь протестующе заржала, но сделала, как ей было велено, придвигаясь к старику. Упряжь съехала, но в конце концов телега сместилась влево.

Лицо Эйнара озарилось пониманием, и он встал позади телеги, приподняв ее, чтобы вытащить из колеи. Задняя часть развернулась к третьему столбу.

– Хватит, – сказал он.

Яки перешел к голове лошади и отпустил поводья.

– Хорошая девочка, – пробормотал он, – хорошая девочка.

Его рука нырнула в карман, и на свет показалось ярко-зеленое яблоко. Лошадь боднула его, подняла губу и потянулась за лакомством.

Эйнар был уже сбоку от кобылы и ослаблял ремни, державшие тележные оглобли.

– Готов, – сообщил он.

– Готов, – отозвался Яки, касаясь ремней.

Оглобли выскользнули из креплений, и к звуку скользившей по дереву кожи добавился скрежет камня по доскам. Кусок скалы размером с двух взрослых баранов скатился с телеги, ударился оземь с глухим «бац» и ушел на два пальца в почву.

Свободная от груза телега бешено закачалась на колесах, но, подергавшись, встала на место.

Эйнар уставился на камень:

– Он просил вот об *этом*?

– Именно, – сказал Яки.

Хельга видела, что Эйнар размышляет, пытается что-то понять, но потом он потряс головой, словно отгонял муху.

– Это все? – спросил он.

Яки покачал головой.

– Нет. Ему нужны два сиденья и стол. Хельга, можешь пока отдохнуть, если хочешь, а потом вернемся все вместе.

– Спасибо, – с благодарностью сказала Хельга и, пока Яки с Эйнаром обсуждали углы и размеры, пошла туда, где они оставили еду. Хильдигуннюр заставила ее взять с собой для перекуса шмат вяленой оленины размером с кулак, и теперь ее желудок рассыпался перед матерью в благодарностях. Поскольку ее бревно было уничтожено, пришлось искать себе другое сиденье, и вскоре Хельга обнаружила идеальный пень в подходящем теньке. Она устроилась на нем, улыбаясь Эйнару и Яки. У них были одинаково широкие плечи и одинаково плавная походка – Эйнар этого, может, и не сознавал, но он превращался в собственного отца.

Это навело Хельгу на мысли о ее *настоящих* родителях – и как однажды они взяли и *пропали*. Первые несколько лет она постоянно спрашивала Хильдигуннюр о том, что случилось, но ее новая приемная мать сразу становилась неразговорчивой и отвечала, что они заболели и им пришлось уйти. Она открыла Хельге только имя ее отца – Финн. Какое-то время она помнила их лица, но сейчас уже с трудом могла представить своим папой кого-то, кроме Уннтора.

«Вот что делает время». Она залезла в свою сумку. Тоска никому еще не помогала, в отличие от еды. От соленого дымного мясного запаха – плата за то, что помогает с гостями, сказала мама, – она уже истекала слюной. Над ней раскинулось бесконечно синее небо; солнце приятно согревало ее кожу, и она позволила себе на мгновение смежить веки и просто насладиться жизнью.

Когда она снова открыла глаза, возле ворот, прислонившись к столбу, стоял старик, взявшийся неизвестно откуда. В голове у нее тут же всплыли все наставления Хильдигуннюр: шуми, беги и, если нужно будет, бей в пах и в горло. Но почему-то она совсем не чувствовала страха.

– Приветствую! – крикнул ей старик.

– И тебе привет, – ответила она. – Куда идешь, седая борода?

Она поискала глазами Яки и Эйнара, просто для перестраховки, но они, видимо, ушли куда-то в лес.

– О, я просто гуляю – сказал старик. В голосе его слышалась улыбка. – Проголодался вот только.

– Надо было подумать и взять еду с собой, – крикнула Хельга.

– Не думал, что забреду так далеко, – ответил старик.

Что-то в ней смягчилось.

– Тогда иди сюда. У меня есть чем с тобой поделиться.

Старик с уважением кивнул, и Хельга хорошенько рассмотрела его, пока он ковылял к ней, опираясь на толстый дорожный посох. Голова его была обвязана тряпкой – явно, чтобы солнце не напекло. Одежда была серой и выцветшей, и тяжелый шерстяной плащ тащился по траве.

– Неудивительно, что тебе еда нужна, дедуля, ты же одет по-зимнему. Сваришься в такой-то одежде, – засмеялась она, когда он подошел поближе.

– Ты права, – сказал старик. Вид у него был хрупкий, но голос на удивление сильный. – Я, бывает, прохожу через холодные места и порой забываю про летнюю одежду.

Хельга улыбнулась:

– Ну, что продаешь?

Глаза старика блеснули.

– То да се. В основном скучающим крестьянкам, а ты на такую не похожа.

– Пока, – сказала Хельга.

– И не будешь. Крестьянкой ты, может, и станешь когда-нибудь, а вот скучать вряд ли придется.

Без лишних слов Хельга поднялась с удобного пенька и предложила старику присесть.

– И почему ты так решил? – спросила она.

– По форме челюсти, наверное, – сказал старик и взялся за посох, чтобы опуститься на пенек. – И еще у тебя искорки в глазах.

Он еще раз осмотрел ее с ног до головы.

– Я неправ? – спросил он.

Хельга поймала себя на том, что уставилась на свои башмаки.

– Не знаю, – пробормотала она. Потом в ней вспыхнуло раздражение, и она взглянула старику прямо в глаза. – И откуда мне знать, если я до этого еще не дожила?

Старик усмехнулся, зубы его торчали в разные стороны.

– Хороший ответ! – сказал он. – Горе толстошеему крестьянину, который захочет тебя приручить.

Хельга фыркнула.

– Пусть только попробует. – Она оторвала кусок оленины. – Вот, это тебе за предсказание.

Костлявые пальцы старика осторожно сомкнулись на мясе и плавно поднесли его ко рту.

Он откусил немного и стал медленно жевать, наслаждаясь вкусом.

– Очень вкусно, – сказал он наконец. – Достоинно королей. Ты щедрая хозяйка, Хельга Финнслоттир.

Она нахмурилась и моргнула. Случилось что-то странное, но она не вполне понимала что. Называла ли она свое имя?

– Что ты сказал?

– Я сказал, что ты щедрая хозяйка.

Что-то копошилось у нее в мозгу, но удрало, когда она потянулась за ним. Солнце палило все сильнее, и она пожалела, что у нее нет такой же повязки, как у старика.

– А... да не важно, – сказала она. – Не стоит благодарности. Я живу...

– На Речном хуторе, – сказал старик. – Знаю. Я хотел бы еще посидеть и поговорить, но мне нужно идти. Вот, возьми в знак моей благодарности, – добавил он, стремительно вставая с пенька. Хельга моргнула. На мгновение он показался чуть ли не юношей, но стоявший перед ней человек был таким же дряхлым и слабым, как тот, что садился. Было лишь одно отличие: в костлявой руке он сжимал маленький черный камень, который блестел на солнце и свисал с тонкого кожаного ремешка.

– Что это? – спросила она.

– Кто знает? – ответил старик. – Возможно, твое будущее.

Легчайшее движение пальцев – и камень начал вращаться в его руке. Проявились и исчезли темные линии.

– Это руна? – спросила Хельга.

Старик улыбнулся:

– Да. Ты еще не знаешь, как их читать, да?

Хельга нахмурилась, чувствуя себя одновременно сонной и глупой.

– Нет, – призналась она.

Старик наклонился к ней. Хельга почувствовала его костлявую руку на своем предплечье, и она казалась странно теплой и твердой. Потом его руки обогнули с двух сторон ее голову, завязывая ремешок. Он легко коснулся ее кожи, она ничего даже не успела подумать, когда у нее в ушах раздался голос, шептавший:

Руна Наут.

Желания, стремления и заботы.

...И старик, казалось, был перед ней и позади нее одновременно. Она моргнула, потрясла головой, чтобы в ней прояснилось, – и никого не увидела.

Старик махал ей издали, уже у ворот.

– Прощай! И спасибо за еду! – прокричал он.

Хельга таращилась ему вслед, пока он ковылял прочь. Внезапное головокружение заставило ее сесть на пенек, и все-таки она не могла стряхнуть с себя ощущение тревоги. Она плотно зажмурила глаза, открыла их вновь, но ворота остались просто воротами. Старик уже скрылся за поворотом, а вернувшиеся Эйнар и Яки стояли над бревном и спорили о размерах...

Она закрыла глаза всего на мгновение. Она не видела их прихода. Она не видела его ухода.

Должно быть, ей это приснилось.

– Глупая девчонка, – прошептала она, – уснула в поле. Хорошо, что мама тебя не нашла.

Она потянулась к сумке, но, выгасив свой обед, замерла. Кто-то оторвал большой кусок мяса.

– Проклятые мыши, – пробормотала она. – Мыши.

Быстрыми нервными пальцами она оторвала полоску мяса и положила ее в рот.

– Очень вкусно, – сказала она. – Достоинно королей.

Что-то в этих словах раздражало ее.

– За работу, – скомандовала она себе. – Быстро за работу.

Хельга поднялась и направилась к мужчинам, но ее первые слова утонули в звуке Эйнарова топора, вгрызшегося в дерево. Оба они взглянули на нее и сосредоточились на работе. Кажется, никто из них не заметил ее гостя, а если и заметил, то точно не собирался ничего спрашивать. И вообще это уже не казалось ей таким важным. Чтобы успокоиться, она коснулась рунного камня. Подарок от родителей, сказал ей кто-то, но она не помнила кто. Да это и не имело никакого значения.

Глава 6

Состязание

Бьёрн поворачивал плечами и посмотрел на грудку камней у своих ног. Он наклонился, подобрал один и взвесил его в руке. Взглянул на три валуна, что лежали у подножья деревянных столбов, на стрельбище с низкими барьерами, отмечавшими расстояние, и нахмурился:

– А что, поле меньше, чем когда-то было?

– Да это твоя жопа больше стала, наверное, – сказал Карл, прислонясь к воротам и умело изображая скуку.

– Поберегите дыхание для состязаний, мошонки ходячие, – сказала Йорунн. – Не видать вам победы.

Оба брата расхохотались.

– И кто победит? Ты? Или мелкий? – Карл указал большим пальцем на тропинку, по которой Аслак безуспешно пытался провести своих детей прямо к воротам.

– Сигмар тоже участвует, – объявила Йорунн.

– Пфф...

Карл свирепо взглянул на Бьорна:

– Заткнись. Он наш родич.

– Благодаря тебе, – сказал Бьорн. Он оглянулся на Йорунн, но их сестра промолчала. – И что с того? В камнях я его легко обойду.

Он покосился на деревянные столбы.

– Может, и так, – сказала Йорунн. – Но состязание не одно.

– Так, может, сделаем игру более интересной? – сказал Карл, оттолкнулся от забора и приблизился к брату и сестре.

– Ты что имеешь в виду? – спросил Бьёрн, уставившись на брата.

– Что сказал: надо сделать игру более интересной. Кто выиграет больше состязаний... –

Карл потянулся за привязанным к поясу кошельком.

– Тот будет командовать остальными, – закончила Йорунн. – Целый день.

– Кем командовать? – спросил Аслак, стоя позади нее. – Что я пропустил?

Карл неохотно отпустил кошелек.

– Хорошо, – сказал он. – Только не беги в слезах к мамане, когда я тебя, как служанку, за едой гонять буду.

Он направился к мишеням для метания топоров.

– Это даже немножко успокаивает – видеть, что столько лет спустя он остался все тем же говнюком, – сказал Аслак.

Бьёрн хохотнул:

– Тут ты прав. Некоторые никогда не меняются.

Йорунн наблюдала за Карлом, который остановился рядом с топорами, подобрал один и с силой метнул в цель. Топор, чмокнув, вошел в деревянный щит в трех пальцах от центра.

– Не знаю, – сказала она. – Сдается мне, что нашему любящему брату с годами поплохело.

Что-то его гложет: он хотел поспорить с нами на деньги.

Аслак поднял бровь.

– Хм. Наглый засранец, – сказал он.

Бьёрн размял шею.

– Я рад, что мы не стали на деньги спорить, – сказал он. – Если... нет, *когда* я выиграю, то с огромным удовольствием заставлю этого брюзгу целый день звать меня «Ваше Величество».

Йорунн кивнула:

– Правильно. Только ты, конечно, не выиграешь...

– Ого! Кто сказал?

– ...ты для этого слишком старый и жирный...

Бьёрн вытаращился на сестру, а потом перевел глаза на Аслака:

– Ты слышал, что она несет?

– ...но будет неплохо, если ты победишь Карла хоть в чем-нибудь.

Бьёрн наклонился к младшему брату:

– Никогда не слушай женских советов, – громко прошептал он. – Иногда они совсем не о твоей пользе думают.

Аслак взглянул на Йорунн.

– Ты прав, – притворно прошептал он в ответ, – лучше дадим Карлу выиграть. Думаю, для нас это будет только к лучшему.

Йорунн ослабилась и потрепала Аслака по голове:

– Больно умный ты, братишка, – сказала она, – но мы оставим тебя в живых.

Она немного подумала и добавила:

– Пока.

Мышцы рук у Хельги гудели от усталости: мешки, которые она тащила, были очень тяжелыми. Но рядом шла Хильдигуннюр и без единой жалобы несла в два раза больше. Впереди растянулась колонна людей, шедших от Речного хутора, прямо перед Хельгой шагал Вёлунд, увязавшийся за Гитой. Малыши вернулись к матери, а впереди них были Агла и Тири, которые заговорщически перешептывались. Яки ждал у телеги рядом с воротами, которые служили входом на поле для состязаний. Эйнар был рядом с отцом, а неподалеку от них стоял Сигмар. Дети Уннтора и Хильдигуннюр были уже на поле, и, взглянув на них, Хельга увидела, как Карл взял топор и метнул его в цель. Чуть позже Йорунн потрепала Аслака по голове, но ее слова, обращенные к брату, внезапно оборвал ясный звук: стоя посреди поля, Уннтор звонил в большой металлический колокольчик, извлеченный невесть откуда.

– Шевелитесь! – прокричал он. – Пора вам всем склониться перед лучшими!

– Это перед кем же? – крикнул в ответ Карл. – Я вижу только старого горного тролля в шлеме.

Хельга заметила, как усмехнулась Руна, шедшая в паре ярдов перед ними.

– Мальчишка всегда был языкастым, – пробормотала Хильдигуннюр.

Когда семьи проходили через ворота, Эйнар указывал им на бревна, расположенные так, чтобы на них можно было сидеть и смотреть за состязаниями. Хельга положила мешок к ногам, рядом с тем, что несла ее мать. Хильдигуннюр почти все утро провела за готовкой, и мешки были наполнены жареным мясом, печеными корнями осморизы и бурдюками с медом.

– Слушайте, – прогремел голос Уннтора. – Метание, потом валуны. Стрельба, потом бег. Я буду главным судьей, но Яки обещал следить, чтобы я не подсуживал.

– Ну да, – сказал Бьёрн. – А за ним кто смотреть будет?

– Я, – сказала Хильдигуннюр. – Я буду смотреть за каждым из вас.

Бьёрн пожал плечами:

– Хорошо. Приступим!

Родичи сошлись над треугольником для метания камней, как тучи над головой моряка, к ним присоединились Сигмар и Уннтор.

– Начинаем метание! – объявил Уннтор.

– Кто первый? – спросил Карл.

– Гости? – улыбнулся Уннтор.

– Хорошо. Я начну. – Сигмар склонился над грудой камней. Подняв верхний, он взвесил его в руке, осторожно подвигал локтем, примериваясь к весу, и растопырил пальцы широко, как только смог. Потом без предупреждения сделал три быстрых шага к треугольнику и метнул камень.

Он просвистел по воздуху и приземлился чуть дальше средней линии.

Сигмар резко отвернулся, напряг шею и пролаял короткое ругательство на языке свеев.

– Что такое, гость восточный? – спросил Бьёрн. – Не так просто, как ты думал?

Сигмар снова повернулся к остальным.

– Нет, все хорошо, – сказал он. – Просто я давно этого не делал.

– Я тоже, – сказал Карл, приближаясь к груде камней. – Но разница между нами в том...

Он выбрал камень, подошел к линии броска и легко запустил его в воздух. Тот без труда пролетел мимо камня Сигмара и с глухим стуком упал в трех футах от линии.

– ...что я не твякаю, как маленькая сучка.

Его ухмылка состояла на три четверти из удовольствия и на четверть – из вызова.

Сигмар искренне улыбнулся:

– Отлично, *брат*. Сразу видно, что ты лучше меня умеешь разбрасываться вещами.

Карл насупился:

– Ты о чем это? – хмуро спросил он.

– Прочь с дороги, – сказал Бьёрн, проталкиваясь мимо него, а Сигмар улыбнулся и пожал плечами. – *Моя очередь*.

Нагнувшись, Бьёрн подобрал первый же камень и метнул его без подготовки.

– Зараза, – пробормотал он. Камень улетел футов на шесть дальше линии.

– Тролленыш, – поддразнила его Йорунн.

– Заткнись, – сказал Бьёрн. – Посмотрим, как сама-то справишься.

Йорунн улыбнулась и подошла к камням.

– Ты же знаешь, дорогой братишка, что у меня и половины мужской силы нет, – сказала она. Расставила локти в стороны и начала отступать, пока между ней и линией броска не оказалось футов двадцать для разбега. – Поэтому мне придется рассчитывать...

Она встала на цыпочки, наклонилась, а потом с силой оттолкнулась, побежала к линии, размахнулась, уронила руки вниз, прочертив неистовую дугу, а в самый последний момент направила камень вверх и выпустила ровно в тот момент, когда достигла линии броска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.